

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

D-LC

48
356

43

3

HARVARD COLLEGE LIBRARY

From the
WASYL KYJ FAMILY UKRAINICA BOOK FUND
established in 1978

Продается въ Киевѣ, въ книжномъ магазинѣ
Литова и Гюксберга.

Цена за три части четыре рубля серебромъ.

Гг. Изгородины могутъ адресоваться на
имя самаго издателя, по слѣдующему адресу:
Его Благородію Пашкевичу Дмитрію
Кульши, въ Киевѣ.

За пересылку прилагается одинъ рубль
ассигн.

3745 106

МИХАЙЛО
ЧАРНЫШЕНКО.

III.

НИХАЙЛО ЧАРНЫШЕНКО

ИЛИ

МАЛОРОССІЯ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

СОСНОВІЕ.

П. КУЛЪША.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КИЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1843.

WID-LC

PG

3948

.K856

M5

X

1843

ch. 3

✓

"KULISH

"M. CHARNYSHENKO

3"

KYJ FAMILY BK.FD.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ законное число экземпляровъ. Кіевъ.
1848 года, Сентября 21 дня.

Ценсоръ, А. Одолевъ-Чапоскій.

На есть се, кабые, по Черному морю ешла встаніе,
А есть се—мне отцисака ѿ материсака молитва зарас!

Отциса бы то, панове, трѣба людей поважати,
Павотці ѿ паміятку добре шанувати;
Бо который человекъ тѣс уробіае,
По вѣкъ той счастье собѣ має,
Смертелный мечъ того мнѣае:

Отциса ѿ мѣтчина молитва ѿ два моря вѣдмѣае,
Одѣ граждѣвъ смертелныхъ душу одкувалѣе,
На волѣ ѿ на морѣ на пѣмѣчь помагае!

Изъ старинной народной думѣ.

МИХАЙЛО ЧАРНЫШЕНКО

ИЛИ

НА ДРОССИЯ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЛЕТЪ НАЗАДЪ.

ГЛАВА XX.

Щербина нѣсколько разъ пробовалъ за-
вестъ разговоръ со своими побѣдителями,
но ни его вопросы, ни его острые шутки
не могли разшевелить угрюмаго ихъ мол-
чанія. Разбранивши ихъ отцовъ и дѣдовъ
позапорожскн и видя, что даже и этимъ

средствомъ не можетъ задѣть изъ стонцизма, съ досады онъ напалъ на своего товарища.

—Прямая ты середка! говорилъ онъ:—чортъ ли велѣлъ тебѣ ловить воронъ, когда нужно было глядѣть въ оба! Еслибъ въ твоей разумной головѣ было немножко больше расторопности, можетъ-быть, тебѣ пришлось бы полетѣть къ дьяволу; а-то видишь, какого молодца мы потеряли!

—Спасибо за усердіе, отвѣчалъ Середка:—мнѣ жизнь еще не наскучила, чтобъ замѣнять собою другихъ.

—Эхъ, голова ты разумная! не наскучила жизнь! Куда, какъ ты кажешься для себя дорога! А ей Богу, подь веселый часъ я не взялъ бы тебя со всею твоею удаляю за добрый ковшъ меду! тогда какъ Михайло... охъ, изъ того вышелъ бы чудный Запорожецъ! того хоть сей часъ въ курѣнные отаманы!... Царство ему небесное! Пусть тамъ ему ѣдятся один вареники да пампушки до сметаны, а пьется все изъ

такихъ коряковъ, якъ *Дорошенкова чарка!*...

—Славно рубился покойникъ, продолжалъ Щербина, помолчавши:—трудно даже было надѣяться изъ него такого хватя. Когдабъ были набиты мои пистолеты! знали бъ эти пѣтушья головы, какой зарядъ владеть въ дуло Мартинъ Щербина!

Между-тѣмъ таинственный конвой все болѣе и болѣе углублялся въ густоту лѣса. Вечеръ потухъ. Небо потемнѣло; и огромные дубы во мракѣ сдѣлались какъ-будто вдвое выше.

Оставя влѣвъ большую дорогу, толпа раздѣлилась на три части и продолжала путь дикими тропинками, которыя то сходились вмѣстѣ, то опять расходились поза деревьями.

По временамъ съ правой стороны слышенъ былъ шумъ воды. Козаки догадывались, что ѣдутъ по-надъ берегомъ потока, умчавшаго несчастнаго ихъ спутника.

Послѣ получасовой трудной ѣзды по корнямъ, пнямъ и рытвинамъ, прорытымъ весенними ручьями, они выѣхали на небольшую площадку, покрытую мелкимъ кустарникомъ и лежащую на краю широкаго байрака, который при сѣтѣ мѣсяца, поднимавшагося въ это время изъ-за лѣсу, не незаглянувшаго еще въ его глубину, казался бездонной пропастью.

Правая сторона этого байрака, гдѣ находились наши козакъ, сходила внизъ отлогою покатою. окутанною мягколистными деревьями—березою, липами, орѣшникомъ. Но противоположный его берегъ обнаженный каменными горами стремительно поднимался изъ темнаго дна и нѣсколькими сажнями былъ выше надъ уровнемъ земли.

На этомъ возвышеніи, составлявшемъ разительный контрастъ съ противоположной стороною, видѣлись какія-то строения, которыхъ однакожъ при мѣсяцѣ нельзя было хорошо рассмотреть. Далѣе снова вставали изъ-за горы блѣдными тѣлами вершушки

лѣса, такъ живописно прерваннаго неожиданной прихотью природы.

Но между-тѣмъ какъ мы занимаемся этими подробностями, козакъ наши спустились во глубину оврага, котораго дно составляла ровная широкая равнина, проходящая какъ тылая зеленая рѣчка между двумя разнохарактерными берегами и окружающая разнообразными излиянами дикую гору, дѣлая ее недоступнымъ островомъ.

Эта пустынная гора, покрытая морщинами и окруженная цвѣтущею природою, подобна была безобразному выродку, угрюмому посреди смѣющейся семьи своей; и строгій анахоретъ не могъ бы выбрать лучшаго мѣста для основанія монастыря: здѣсь идея отчужденія отъ прелестей міра сего была бы у него всегда передъ глазами.

Но не такими мыслями заняты были головы моихъ героевъ. Козакъ Середа былъ погруженъ въ тяжелое уныніе: онъ думалъ о своей матери. Знаетъ ли она, гдѣ онъ

теперь? чувствует ли его сердце неожиданную беду, готовую постигнуть его сына? Неужели въ самомъ дѣлѣ всѣ добрыя его намѣренія должны остаться неисполненными, и онъ погибнетъ отъ рукъ этихъ разбойниковъ?

—Нѣтъ, думалъ онъ:—Богъ милостивъ и справедливъ, а материнскія молитвы спасаютъ со дна морскаго.

Эта благочестивая дума оживила его сердце, и какое-то отрадное предчувствіе убѣждало его, что не всему еще конецъ. Съ теплою вѣрою поцѣловалъ онъ висѣшій на груди у него образокъ, напутственное благословеніе матери, и тихо молился на сѣдлѣ своемъ.

Что же касается до Запорожца, онъ и на этотъ разъ не раздѣлялъ чувствованій своего товарища. Ему нѣ о комъ было тосковать: у него *Сльчъ—мати, а Великій Лугъ—батько*. Его суровая, дикая душа, давно расторгшая всѣ нѣжныя связи съ людьми, сдружилась съ пустыми приидѣ-

провскими степями, гдѣ онъ не двадцать разъ гонялся за Татаринномъ, и съ алчнымъ ревомъ Чернаго моря, свидѣтеля безчисленныхъ его опасностей. Ему такъ часто смерть заглядывала въ очи и онъ такъ много разъ бросалъ свою жизнь въ ея разверзтую пасть, что уже не давалъ себѣ права существовать на этомъ свѣтѣ и жизнь свою считалъ особенною милостью судьбы. Онъ былъ подобенъ счастливому игроку, которому не жаль проигратъя разъ, послѣ многочисленныхъ выигрышей. Щербина смотрѣлъ на свою жизнь, какъ на нѣчто чуждое, внѣ его происходящее. Практическими опытами, или лучше сказать навывкомъ видѣть часто смерть, дошелъ онъ до тѣхъ результатовъ, до которыхъ достигаетъ философъ, сознающій себя вѣчнымъ духомъ и на всѣ перевороты, на всѣ несчастія глядящій съ точки созерцанія.

Итакъ онъ мало заботился о своемъ настоящемъ положеніи. Ему жаль было только Михайла. Но когда и это чувство чрезъ нѣсколько минутъ въ немъ успокоилось, онъ предоставилъ свою участь судьбѣ, ко-

торая не разъ выпутывала его изъ самыхъ отчаянныхъ обстоятельствъ, а самъ беспокоился только объ ужнѣ, который, можетъ-быть, еще не скоро бы пришелъ ему на мысль, когдабъ онъ былъ занятъ произвольною дѣятельностью.

—Знаете что, панове молодцы? сказали онъ своимъ побѣдителямъ тономъ самаго теплаго добродушія:—если наша дорога еще длинна, то не лучше ли будетъ намъ остановиться здѣсь, да разложить огню, да наварить каши? А я попотчивалъ бы васъ славною наливкою!

Эта безпечность въ его опасномъ положеніи была такъ странна, что незнакомцы не могли удержаться отъ смѣху, и одинъ изъ нихъ дотога раздобрился, что указалъ ему рукой на каменистую гору, по-подъ которою они кружили, и даже сказалъ:

—Скоро дойдемъ.

Въ слѣдъ за тѣмъ они выѣхали на широкую поляну, ограниченную съ двухъ сто-

ронъ разступившимися зелеными возвышенностями, составляющими продолженіе праваго края байрака; третья сторона ея замыкалась каменистою горою, а четвертая выходила въ чистую степь, которая при свѣтѣ мѣсяца какъ-будто не имѣла горизонта и слывалась незамѣтно съ дальнимъ небомъ.

До сихъ поръ козакъ, ѣдучи подъ самую гору, не видѣли находящихся на ней строеній, но когда вступили на поляну, имъ вдругъ представилась картина, которая остановила бы художника смѣлымъ своимъ положеніемъ и дикою красотою.

На самомъ краю, какъ продолженіе горы, стояла древняя четырехугольная башня, съ надгрызенною временемъ вершиною и съ широкими воротами, которыхъ своды и бока тоже начали падать въ руины.

По обѣ стороны ея двѣ круглыя меньшей величины башни расположены были симметрически, но природа, наперекоръ людской архитектурѣ, оразнообразила ихъ

рѣзкими особенностями. Одна изъ нихъ казалась очень ветхою и дотога заросла травою, что ее можно бы принять за огромную косматую колонну, еслибъ сквозныя окна и уцѣлѣвшіи на дырявой кровлѣ шпиги не обозначали ея формы. Другая съ виду была какъ-будто крѣпче, но она охотно помѣнялась бы съ ея старушкою-сестрою своей позиціей. Берегъ горы, на которомъ она стояла, неизвѣстно какимъ случаемъ, отвалился, оставя цѣлую треть ея фундамента, торчащаго своими клыкастыми камнями, всѣтъ надъ отвѣсомъ саженъ въ пять высоты. Казалось, эта несчастная башня держалась только уцѣпясь за толстую стѣну, соединяющую ее съ главною башнею, и каждый мигъ готова была рухнуть всею своею тяжестью на дно глубокаго байрака. Ни одно волокно плюща, ни одинъ кустикъ березы не росли въ ея близненныхъ морщинахъ, какъ-будто чувствовали опасность ея положенія.

Въ этомъ мѣстѣ угрюмая гора какъ-то смягчилась и низошла на долъ нѣкоторой покатостью. Обрадовавшись этому, молодая

зелень поползла на нее веселыми кустами и деревцами, отбѣяясь въ лунномъ свѣтѣ и живописно мѣшаясь съ высунувшимися камнями.

Покатость горы была однакожъ такъ крута, что всадники должны были сойти съ коней, чтобъ подняться къ воротамъ этого монастыря или замка, что въ нѣкоторомъ смыслѣ все равно, ибо встарину въ пограничныхъ крайнахъ Малороссіи, подверженныхъ частымъ набѣгамъ непріятелей, всякой монастырь долженъ былъ быть вмѣстѣ и замкомъ.

Дорога на гору покрыта была кусками кирпичу, раздробленнаго частою ѣздою и смѣшаннаго съ бѣловатымъ мусоромъ извѣстковаго цемента. Въ нѣкихъ мѣстахъ уцѣлѣли еще остатки ступеней, сложенныхъ на кирпичномъ основаніи изъ широкихъ глиняныхъ плитъ; въ иныхъ мѣстахъ, по сторонамъ этого всходу, видны были слѣды древняго фундамента, на которомъ утверждались, можетъ-быть, передовыя башенки и стѣны, служившія нижними бойни-

цами. Изъ-подъ нихъ выглядывали иногда полузасыпаншіяся отверстія, ведущія вѣроятно въ подземные ходы. По всему видно было, что это укрѣпленіе брошено уже давно безъ призранія и много потеряло прежней формы.

Но вотъ наши путники уже у входа въ башню. Они прошли подъ ветвями ея сводами и вступили во внутренность замка.

При свѣтѣ мѣсяца они увидѣли широкій дворъ, обведенный выкрошенной косматой стѣною. Вдоль нея тянулся рядъ низкихъ строеній съ маленькими окнами, передъ которыми насажены были въ одинъ рядъ деревья.

Все это съ перваго взгляду совершенно похоже было на монастырь, но зданіе, занимавшее центръ двора, противорѣчиво нѣсколько этому заключенію. То была широкая и низкая башня, упиравшаяся сверху крупными зубцами, изъ-за которыхъ чуть выглядывалъ выпуклый куполъ, а надъ нимъ, на длинномъ древѣ, волновалось желтое

знамя съ изображеніемъ меча и мертвой головы. Нѣсколько узкихъ, высокихъ, съ остроконечною дугою оконъ, расположенныхъ безъ симметріи по стѣнамъ, были ярко освѣщены, и сквозь нихъ неслись изнутри башни смѣшанный говоръ многихъ голосовъ. Входъ въ башню украшенъ былъ тяжелымъ непрямоугольнымъ фронтономъ на толстыхъ колоннахъ, опиравшихся на широкую площадку крыльца, возвышеннаго надъ поверхностью двора десятью ступенями, обложенными глиняными плитами. На фронтонѣ грубой лѣнной работою изображена была та же эмблема, что и на знамени, — мечъ и мертвая голова.

Оставя конвой на дворѣ, два красные жупана со своими плѣнниками вступили на высокое крыльцо и, поговоря тихо съ минутою межъ собою, ввели ихъ въ освѣщенную нѣсколькими свѣтильниками обширную комнату, которой стѣны не имѣли другихъ украшеній, кромѣ развѣшеннаго симметрически оружія и желѣзной сбруи.

Сцена, представившаяся козакамъ была

очень пріятна для проголодавшася Запорожца, который, подобно всѣмъ своимъ товарищамъ, предпочиталъ настоящія блага будущимъ и болѣе заботился о доброй чаркѣ горѣлки и сытномъ обѣдѣ, чѣмъ о своей участи. Они поспѣли на самій ужинъ.

Посреди комнаты за длиннымъ и широкимъ столомъ помѣщалось около полусотни народу съ черствыми лицами, съ усами всевозможной величины, въ разноцвѣтныхъ и разнокалиберныхъ нарядахъ, и они-то производили тотъ говоръ, который слышенъ былъ на дворѣ.

Нескогіе только изъ нихъ обратили вниманіе на пришлецовъ; другіе продолжали усердно работать ложками, ножами, стаканами и чарками.

Одинъ изъ красныхъ жупановъ, оставя козаконъ въ углу залы, подошелъ къ человеку въ пернатой шапкѣ, сидѣвшему на дальнемъ концѣ стола, поцѣловалъ ему плечья и руку, поклонился низко и сталъ въ почтительномъ отъ него разстояніи, сло-

жа на груди руки и, повидному, ожидая вопроса.

Но прежде, чѣмъ услышимъ ихъ разговоръ, мы должны бросить бѣглый взглядъ на эту важную особу, вполне достойную вниманія моихъ читателей.

Во первыхъ, край стола, гдѣ онъ сидѣлъ, былъ очищенъ, такъ что по обѣ стороны его могло бы помѣститься по три человека. Это обстоятельство съ перваго взгляду показывало въ немъ какое-то высшее достоинство, не позволяющее сближаться съ нимъ застольнымъ его товарищамъ.

Мысль эту еще болѣе подтверждала представленная передъ нимъ серебряная массивной работы посуда, тогда какъ прочіе ѣли и пили изъ мѣдной, оловяной, стеклянной и глиняной.

Нарядъ его также отличался особенною роскошью, впрочемъ былъ вовсе непохожъ на костюмъ пановъ малороссійскихъ. Скорѣе можно бы принять его за Турка, еслибъ

впящій на груди у него большой золотой крестъ тому не противорѣчилъ.

За нимъ стояли двое слугъ въ красномъ платѣ. Одинъ изъ нихъ держалъ бѣлое полотенице, другой серебряную чашу.

Но мимо всѣхъ этихъ признаковъ, явно обнаруживавшихъ въ немъ начальника, больше всего бросался въ глаза огромный размѣръ его членовъ и угрюмый молчаливый видъ, съ какимъ онъ былъ занятъ своимъ ужасномъ.

Ему, повидному, было лѣтъ пятьдесятъ. Глубокія съ крутыми поворотами морщины на его багровомъ, довольно плотномъ лицѣ показывали слѣды неукротимыхъ страстей, терзавшихъ его во всю жизнь. Большіе влажные глаза его глядѣли изъ-подъ густыхъ, ишистыхъ бровей какъ-то свирѣпо; и вообще лицо его имѣло выраженіе раздражительное и жестокое. Казалось, каждое мгновеніе онъ былъ готовъ выхватить изъ-за широкаго своего пояса кинжалъ и броситься на первую жертву. Но никто не

обращалъ на него никакого вниманія; всѣ говорили только межъ собою. Это показывало, что его привыкли видѣть въ такомъ состояніи.

Итакъ красный жупанъ, исполнивъ обрядъ восточной вѣжливости, ожидалъ вопроса своего повелителя. Хозяинъ устремилъ на него взоръ, отъ котораго иной задрожалъ бы всѣмъ тѣломъ; но тотъ перенесъ его довольно спокойно и, приложивъ руку ко лбу и къ сердцу, сказалъ:

—Свѣтлый бане *! солнце, насъ огрѣвающее! кладу подъ твой мечъ виновную свою голову. Я укусилъ тебя за сердце: врагъ твой погибъ, но ты не увидишь на вратахъ своихъ главы его.

При этомъ извѣстіи банъ затрепеталъ, какъ-будто его вдругъ облили кипяткомъ; грубые мускулы его лица приняли въ движеніе, ноздри расширились, какъ у разго-

* Бане у Сербовъ значитъ — князь.

ряченного бѣгомъ коня, когда онъ вбрасаетъ въ себя воздухъ, готовясь перелетѣть черезъ пропасть; а свирѣпыя очи вдругъ наполнились кровью.

—Гунсвотъ! гунъ * люта! закричалъ онъ испуганнымъ голосомъ, ударивъ тяжелымъ своимъ кубкомъ по столу.

Всѣ сидѣвшіе за столомъ разомъ утихли, какъ стадо овецъ, слышавшее рыканье льва, и боязливо начали между собою перешептываться.

—Погибъ! погибъ! кричалъ между-тѣмъ разъяренный банъ:—какъ онъ погибъ? Говори мнѣ, гунсвотъ, какъ онъ погибъ? Говори, море **! пока корвавю врапы не выклевали тебѣ языка! О, я здоровъ! я не спускаю никому! Говори, гунсвотъ! говори, внукъ дьявола!

* Гунъ съ сербскаго—зита.

** Междометіе, употребленное Сербами въ разныхъ значеніяхъ.

Въ своей запальчивости онъ самъ не зналъ, чего требовалъ, и, забывши, что своимъ громовымъ крикомъ мѣшаетъ слугѣ отвѣчать на вопросы, приходилъ въ бѣшенство отъ сего молчанія.

—Мы блись на мосту, какъ я и общалъ твоѣй честнѣйшей милости, отвѣчалъ наконецъ красный жупанъ:—Мостъ обломился, и онъ упалъ вмѣстѣ съ концемъ въ воду...

—Упалъ! я зналъ, что это будетъ, гунсвотъ, дьяволъ, гунъ проклетъ! Жива ея мнѣ надо, а не мѣртва! Корвавая твоя глава будетъ у меня завтра на вратахъ вмѣсто ея! О, я здоровъ, море! Я тѣжко здоровъ! я не шучу ни съ кѣмъ, внукъ дьявола!

—Ясный банъ! сказалъ несчастный жупанъ:—не я, то Богъ такъ назначилъ. Вотъ двое слугъ ея передъ твоими свѣтлыми очми.

—Бре ?! гунсвотъ! Двое слугъ? Двое

* Междометіе, употребленное Сербами для выраженія противоречія.

собакъ ею скажи, внукъ дьявола! Заутра повѣсить ихъ на восходѣ соунца, а твою кровавую главу поставитъ на вратахъ о полудня.

ГЛАВА XXI.

Козакъ Середа затрепеталъ при этомъ варварскомъ рѣшеніи. Въ какомъ-то безчувственномъ оцѣпенѣніи онъ опустился на полъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и, прислонясь спиной къ стѣнѣ, взялся обѣими руками за голову, не понимая, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается.

Но Запорожець и въ эту ужасную минуту не сошелся съ нимъ чувствованіями.

Не обращая вниманія ни на свирѣпаго бана, ни на своихъ провожатыхъ, онъ уже успѣлъ подѣсть къ застольнымъ рыцарямъ и, своей юморически-добродушной мпною, своимъ забавнымъ манерамъ и нецеремонною короткостью въ обращеніи, въ одну минуту такъ имъ понравился, что они охотно дали ему межъ собою мѣсто.

Когда жъ разразился гнѣвъ нестоваго бана, отъ котораго всѣ пришли въ робость, онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе и удивленіе своей спокойной флегмою, съ которою, не замѣчая ничего, онъ продолжалъ убирать поставленное передъ нимъ кушанье.

Казалось, онъ былъ глухъ и не слышалъ своего смертнаго приговора или же, видя близкую смерть, старался поскорѣй наѣсться, какъ передъ выступленіемъ въ походъ.

—Слышишь ли, что сказалъ банъ? говорили ему сосѣди, толкая его въ бокъ, чтобъ пробудить его вниманіе, которое, по-

видимому, было слышкомъ сильно занято.

—Слышу, говорилъ онъ, не отвоя глазъ отъ своей запорожской ложки.

—Да слышишь ли? Вѣдь тебѣ только до завтра остается жить!

—Однимъ дармоѣдомъ меньше будетъ на свѣтѣ, отвѣчалъ спокойно Щербина, какъ-будто рѣчь шла о постороннемъ для него предметѣ.

Чи виріши, чи повисись, разъ мати родила.

прибавилъ онъ съ такою увѣренностію въ истинѣ этихъ словъ, съ какою произносить Турокъ стихъ изъ Алкорана.

Это еще больше привело всѣхъ въ изумленіе.

—Развѣ тебѣ не жаль расстаться съ жизнью? спрашивали его.

—Что наша жизнь? отвѣчалъ стопкѣ-

Запорожецъ:—Пустой мѣшокъ, который то я дѣлю, что наливаєшь горѣлкою да набиваешь варениками.

И, говоря это, онъ такъ дѣятельно работалъ руками и зубами, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ набивалъ мѣшокъ.

—Это разъ, продолжалъ онъ, прочищая свое горло доброю чаркою настоянки, какая скорѣй попалась ему подъ руку:—это разъ, говорю я; а другое—и то подумаешь, что на томъ свѣтѣ, вѣрно, не будетъ уже горьче челоуѣку, какъ и на этомъ; и что мнѣ ни рассказывай, а право, я всегда той мысли на счетъ некла, *що не такій чортъ страшній, якъ ёго малиють*, особенно для тѣхъ, кто ему приходится хоть немного съ родни.

—Ой! а неужели ты родичъ чорту?

— Не близкій, однакожъ всё таки родичъ.

—Духъ Святый съ нами! говорили изумленные слушатели:—Что это за челоуѣкъ

такой!... Какъ же ты съ нимъ породился?

—Постойте, дайте мнѣ немножко управиться съ дѣломъ. Моя рука не годится теперь для запорожской сабли, хоть и хорошо перевязана; зато ложка и ножъ какъ-разъ припились по ней.—Надобно вамъ знать, продолжалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ дѣятельной работы надъ кускомъ баранины:—что хотя въ Сѣчи не живетъ ни одна женщина, но вокругъ Сѣчи по паланкамъ есть множество зимовниковъ, гдѣ живутъ семействами козаки *посполитые*, бо войсковыхъ козаковъ у насъ на Запорожьѣ только тысячъ съ пятнадцать, а если посчитать по всѣмъ зимовникамъ женатыхъ козаковъ, то набралось бы, можетъ-быть, и въ пять разъ болѣе. Часомъ и съочникъ имѣеть поблизу отъ Сѣчи хуторъ, въ которомъ у него водится и жинка и дѣтки, какъ и у всего православнаго христіанства²².—Вотъ въ такомъ-то хугорѣ родился хоть бы и нашъ братъ, Запорожецъ Мартинъ Щербина, который при этомъ случаѣ много благодарствуетъ вамъ, что допустили его къ своей вечерѣ. Покойнакъ

батько мой, Дóрошъ Щербина, былъ въ Сѣчл куреннѣмъ отáманомъ, да не объ немъ теперь рѣчь: породился я съ чортомъ не черезъ него, а черезъ его паниматку, а мою стало-быть бабу. А какимъ способомъ, такъ вотъ послушайте.—Баба моя, какъ бы приличнѣй вамъ сказать, была великая искусница на счетъ своего бабьяго дѣла. Бывало, только родится дитя у какого-нибудь отáмана или нисара, или даже хоть и у самого батюшки, а попросту сказать — у попа, то уже тутъ ей и шлютъ казачь, берутъ и везутъ ее съ такою пышностью, какъ у васъ на Украинѣ пную полковницу.—Долго она занималась этимъ промысломъ и наконецъ прославилась такъ, что стала пзвѣстна по всѣмъ запорожскимъ землямъ, а запорожскія зѣмли не малы: по одну сторону Днѣпра онѣ идутъ ажъ до самой рѣчки Орели, а по другую до рѣчки Тясмина и до Буга⁴⁴. Бывало, иногда какъ заѣдетъ къ иному пану, то воротится уже мѣсяца черезъ два: не знаютъ, гдѣ дѣвать; не знаютъ, гдѣ посадить; такъ всѣ любилъ мою бабу. Какъ вотъ родилось дитя у самаго чорта. Присылаютъ за бабою...

—Да ну, полно! возразилъ одинъ изъ слушателей краснорѣчиваго Щербины:—неужели и у чертей рождаются дѣти?

—Вотъ тебѣ и на! отвѣчалъ Запорожець:—а откуда жъ брались бы демоны, когда бѣ у нихъ чертопята не рождалась? Этакъ давно бы опустѣло и пекло, потому что и на нихъ есть тоже погибель: иногда громъ убьетъ, а иногда панъ братъ Сѣчовикъ часомъ, заставши въ тѣсномъ куткѣ, почастуетъ такъ, що и до пекла не долѣзе. Не даромъ вѣдь рождественскими святкамъ представляютъ въ вертепахъ, что смерть убиваетъ Прода, дьяволъ убиваетъ смерть, а Запорожець и самаго дьявола.

—Ну, ну, такъ родилось дитя у чорта, сказали слушатели, наводя его на прерванный разговоръ.

—Да. Родилось дитя у чорта. Присылаютъ за бабою. Баба, можетъ-быть, и отказалась бы на этотъ разъ, да она не знала, въ чемъ дѣло, а думала, что зовутъ ее къ какому-нибудь богатому пану, потому что

приѣхавшей за нею вознипа убранъ былъ не луко инаго асаула. Одѣвается. Ёдетъ. — Ведутъ ее въ палаты, какихъ она на Запорожьи еще и не видала, бо у насъ всѣ живутъ зѣпроста, поkozанки, и лучше любятъ носить серебряныя подковы и оправленныя въ золото люльки, чѣмъ будовать хоромныя подъ самыя хмѣры. Да; такъ ведутъ ее въ палаты. Все убрано чудесно. Бабѣ всѣ выгоды: ѣжъ и пей, чего душа пожеласть. — Живеть она дня два уже, потому и говоритъ хозяйкамъ, что нужио бы позвать кума да отнестъ дѣтя до батюшки. А тѣ ей въ отвѣтъ: «Нѣтъ, бабусю, у насъ нѣтъ такого заведенія, у насъ дѣтей не носятъ до попа». — Эгѣ! *оттака ловись!* Тогда только баба догадалась, что подаромъ она примѣтпла у своего маленькаго внучка на рукахъ и на ногахъ небольшіе когти, а сзади козлиный хвостикъ. — Дѣлать однакожъ было нѣчего. Боялась даже показать и видѣ, что догадалась. Ждала только, пока отпустятъ ее домой. Какъ вотъ наконецъ, дней черезъ десять, и говорятъ ей почистые: «Теперь, бабусю, пора уже тебѣ домой. Поидемъ въ комору, мы наградимъ тебя за

твои труды». — А ея маленькой внучекъ, хоть еще лежитъ въ люлькѣ, а уже и говорить умѣеть: такая чортовская натура! Тотчасъ бабу подѣ руку — толкъ! и шепчетъ: «Не бери золота, а бери уголь». — Хорошо. Идутъ въ комору. А надъ дверьми, передъ коморою, виситъ какая-то кожа. Вотъ, который чортѣка идетъ, то сперва лапою за кожу, а потомъ и за око. Баба смотритъ, да и себѣ такъ сдѣлала: дотронулась рукой до кожи и до праваго глаза, для одного курьёзу, что-то изъ этого выйдетъ. — Что жъ? Какъ вошли въ комору, такъ что лѣвому оку показывается червонцамъ, то правому угольемъ; а что лѣвому угольемъ, то правому червонцамъ. «Бери себѣ, бабусю, сколько хочешь золота», сказали черти. А баба уже непрѣмахъ: набрала полную запаску червонцевъ вмѣсто угля, да и негѣдкѣ. Черти только плечами вздвинули, однакожъ ничего. Право, у нихъ бываетъ иногда больше честности, чѣмъ у людей. — Ну, слушайте жъ, чѣмъ кончилось. Эта проклятая кожа не обошлась такъ покойной бабѣ безъ штуки. Была она разъ у одного старшины въ гостяхъ и, какъ

водится, сидѣла за столомъ чинно на почетномъ мѣстѣ. Много было тамъ и другихъ гостей. И случись же какъ на бѣду, что два козака, не зная съ чего, заспорили такъ жарко, что и до драки дошло. Никто жъ не знаеть, что этому за причина; а баба покойница, сидя за столомъ, и видя въ правымъ окомъ, что небольшой чертенокъ вьется межъ козаками, суетъ палецъ безпрестанно въ руки то пистолетъ, то саблю, вертится на всѣ стороны, шепчетъ на ухо и всѣми мѣрами старается раздуть огонь.—Присматривается моя баба, присматривается,—и что жъ? Этотъ чертенокъ былъ не кто иной, какъ ся маленькій вучекъ: его, вѣрно, послали уже изъ пекла приучаться по-немногу дѣлать пакости добрымъ людямъ. Вотъ она и говоритъ ему: «А и ты тутъ, внучку?»—«Тутъ, отвѣчаетъ чертеня:—А ты меня видишь?»—«Вижу».—«Которымъ же окомъ ты меня видишь?»—«Правымъ».—Не успѣла она этого выговорить, а сатапчукъ какъ цапнетъ ее за око! такъ и вырвалъ. Баба какъ упадетъ подъ столъ! какъ надѣлаетъ крику! Тутъ всѣ бросились къ ней: чего-чего?

Смотрять, а у нее ока нѣтъ!

Всѣ засмѣялись и наградили красною одобрительными восклицаніями.

Запорожецъ, своимъ всепобѣждающимъ характеромъ, въ нѣсколько минутъ сдѣлался такъ близокъ своимъ гостямъ, что они полюбили его какъ брата, и не въ одномъ изъ нихъ возникла мысль спасти его отъ predeterminedной ему смерти.

Самъ угрюмый багъ во все время его разсказа смотрѣлъ на него изъ-подъ своихъ густыхъ бровей неподвижнымъ взоромъ, который смѣнилъ бы всякаго другаго разскащика, но за Щербинной не водилось этой слабости. Онъ весело посматривалъ на своихъ слушателей и, казалось, не отличалъ межъ ними ихъ начальника.

Можетъ-быть, багъ дивился непостижимому для него спокойствію человека, приговореннаго къ смерти; можетъ-быть его заняло это чрезвычайное равнодушіе къ жизни, которое можно истолковать только

множеством претерпѣнныхъ бѣдствій. Но откуда жъ эта свѣтлая веселость, этотъ спокойный юморъ и самодовольное выраженіе «пзіономіи»? Растерзанное горестями сердце выражаетъ свое равнодушіе къ смерти не такими признаками: его веселость дика, забвеніе къ жизни въ немъ страшно, въ его хохотѣ и рыданіи звучать одиѣ и тѣ же струны.

Таковы или явныя были размышленія грознаго бѣна, намъ это неизвѣстно. Мы не отваживаемся и не въ состояніи бросить прощательный взоръ въ эту мрачную душу. Довольно съ насъ слѣдить за его наружными дѣйствіями, которыя помогутъ намъ составить нѣкоторую идею о его характерѣ.

Выслушавъ разсказъ Щербинны, окончательный всеобщій смѣхомъ, банъ нимаю не перемѣнилъ строгой своей наружности; но въ его грозномъ взглядѣ выразилась нѣкоторая благосклонность. Онъ наполнилъ серебряную тарелку лучшимъ кушаньемъ и молча отодвинулъ отъ себя, давая знать

отрывистымъ жестомъ руки, чтобъ передали это Запорожцу.

Тарелка быстро перешла по рукамъ на другой конецъ стола, и ближайшій сосѣдъ Щербинны, подывая ему подарокъ своего господина, примолвилъ:

—Ясный банъ дарить тебѣ блюдо отъ своего стола.

Другой сосѣдъ ударилъ Запорожца по плечу и сказалъ тихо:

—Пу, пане Щербинно, теперь не бойся ничего: банъ тебя полюбилъ; будешь жить долгія гѣта.

Но Запорожець не обратилъ никакого вниманія на его слова, какъ-будто жизнь составляла для него послѣднюю заботу. Онъ привсталъ съ приличною важностью, развелъ рукою въ обѣ стороны свои усы и, принимая серебряную тарелку, сказалъ:

—Благодарствую за ласку вашему пану,

или бану, какъ вы говорите. Я вижу, что у него голова не ключемъ * набита: тотчасъ увидѣлъ, чего стоить Мартинъ Щербина. Не разъ и въ Сѣчѣ доставалась мнѣ честь получать макитру варениковъ или шуляковъ со стола всневельможнаго пана кошового, пусть ему тамъ легко вкисется! Только у нашихъ пановъ за столомъ, кромѣ жалованныхъ королямъ и царямъ коряковъ и старосвѣтскихъ кубковъ **, никогда не водилось серебряной посуды. Запорожцы теряютъ серебро на дорогіе кони да жупаны или прогуливаютъ съ честнымъ товариществомъ, а ѣсть будутъ *хоть съ корыта, лишь бы сыто*. Много благодарствую *вашь мѣсци*, какъ говорятъ Ляхи, прибавилъ онъ, кланяясь бану черезъ столъ.

Но банъ не отвѣчалъ ни чѣмъ на его поклонъ. Онъ сидѣлъ гордо и смотрѣлъ на него тѣмъ же тяжелымъ, неподвижнымъ взглядомъ.

Да Щербинъ, повидимому, мало было и

* *Ключес* — *ключь*, *ключи*.

нужды до его отвѣта. Исполнивъ долгъ запорожской учтливости, онъ снова занялся своимъ ужиномъ и товарищамъ.

— А что, братцы? сказалъ онъ имъ: — махните лишь, который изъ васъ попроворнѣе, да отваяйте у меня за сѣдломъ бочонокъ. Я васъ попочтливою палинкою, истинно гетманскою! Спасибо пану Бардаку: угощалъ насъ знагнo, да еще и на дорогу далъ.

Бочонокъ былъ принесенъ и встрѣченъ всеобщимъ торжествомъ.

Запорожецъ, закачавъ рукава своего жупана, обрызганнаго кровью, велѣлъ встѣмъ опорожнить свои кубки и коряки, и, перемѣнивъ роль гостя на хозяина, принялся разливать своимъ собесѣдникамъ Бардакову паливку.

— Постоите жъ, панове-молодцы, говоритъ онъ: — безъ хозяина начинать не годится. Дайте мнѣ кончить свое дѣло.

Потомъ, наполнивъ для себя объемистую кружку и поднимая ее торжественно вверхъ, сказалъ:

—Братцы! прежде всего мы должны выпить за упокой души того лыцаря, который рубился сегодня на мосту не хуже любого куреннаго отамана. Эхъ, еслибъ вы видѣли, какъ онъ рубился! чортъ побери, да и только!... Ну, продолжалъ онъ, скрѣпляясь, чтобъ удержать невольную слезу:—такъ ужь, видно, тому и быть: *що зъ вола спало, то пропало*... Итакъ—за упокой души.....!

Но тутъ онъ остановился. Онъ ждалъ, что всѣ хоромъ готовы воскликнуть за его тостомъ. Каково жъ было его удивленіе, когда, поведя вокругъ себя глазами, онъ увидѣлъ, что собесѣдники его, не принимаясь за кубки и ковши, сдѣлать мрачны и боязливо посматриваютъ на своего бана; а глаза бана сверкаютъ и наливаются кровью^ю.

—Чортъ возьми! проговорилъ тихо За-

порожець:—Кто бы подумалъ, что мой Михайло такъ коротко знакомъ съ этимъ мазепою^ю? Ну, нѣчего дѣлать: *скачи, ердаже, якъ панъ каже*.

—Эй, вы! головы разумныя! вскрикнулъ онъ весело:—чего понадувались, какъ сычи? Развѣ не слышите, что я говорю? За здоровье вельможнаго бана и всего товариства!

Какъ-будто пробужденные волшебнымъ словомъ, всѣ вдругъ пришли въ движеніе. Ковши и кубки поднялись надъ головами и радостныя восклицанія огласили комнату.

Шумная бесѣда полилась слова широкою рѣкою. Одинъ только угрюмый банъ былъ попрежнему грозенъ и молчаливъ, какъ царь звѣрей посреди своихъ разношерстныхъ подданныхъ.

—Братцы, сказалъ Запорожець, вспоминая наконецъ о своемъ спутникѣ:—накормите жъ и моего товарища: за что онъ будетъ пропадать голодный?

Но молодой козакъ отказался отъ всякой пищи. Онъ сѣдѣлъ всё въ томъ же положеніи, взявшись руками за голову и опершись локтями на свои колѣни.

Видя, что ничего съ нимъ не сдѣлаетъ, Запорожецъ оставилъ его въ покоѣ и только что хотѣлъ предложить тостъ за здоровье славной Запорожской Сѣчи и ясневельможнаго своего пана кошового, какъ-вдругъ банъ поднялся со своего мѣста. Въ слѣдъ за нимъ встали изъ-за стола всё его подчиненные, и зала въ дѣи мшуты опустѣла.

Но для Щербины этого было мало. Онъ вышелъ, окруженный веселою толпою, на широкій дворъ, освѣщаемый полнымъ мѣсяцемъ, и, забывая товарищей своими песточными шутками, своими запорожскими присказками и анекдотами, принялся танцовать, выдѣлывая невѣданныя для нихъ фигуры и прыжки.

Не успѣвъ онъ сдѣлать нѣсколько круговъ, какъ ему принесли бандуру, и въ слѣдъ

за тѣмъ явилось нѣсколько скрипокъ, волюнокъ и бубновъ.

Запорожецъ подскочилъ съ радости, увидя свой любимый инструментъ, на которомъ онъ считался однимъ изъ первыхъ игроковъ межъ сѣчевымъ товариществомъ, и тогда подворье грознаго бана приняло видъ Запорожской Сѣчи. Подъ предводительствомъ Щербины, у котораго съ одной стороны были музыканты, а съ другой нѣсколько человекъ съ Бардаковымъ бочонкомъ и ковшами, всё пустились танцовать, и лѣсное эхо долго повторяло ихъ буйные пляски и пѣсни, пока наконецъ, вмѣстѣ съ бочонкомъ, встопились послѣднія ихъ силы, а руки музыкантовъ отказались играть.

Одинъ только Щербина остался на ногахъ. Шатаясь во всѣ стороны и побрякивая несвязно струнами своей бандуры, онъ походилъ вокругъ себя помутившимися глазами, и видя, что никто уже не танцуетъ, а всё лежитъ въ безпорядкѣ по дзору, какъ на полѣ битвы, онъ бросилъ бандуру и самъ простерся на холодной травѣ, приговаря:

—Эхъ, вы головы разумныя! вась полсотни душъ, да не перепили одного Съчовика!

Потомъ, помолчавъ минуту и переверотась на другой бокъ, проговорилъ тихо:

—Жаль бѣднаго Михайла! рубился знатно!

И съ этимъ словомъ заснулъ богатырскимъ сномъ.

ГЛАВА XXII.

На другой день, когда еще все спали, Щербина разбудилъ козака Сероду, который, не смотря на горестное состояніе своей души, покоялся крѣпкимъ сномъ, и сказалъ ему:

—Сѣдай, козаче, своего коня да иди за мною.

Вѣруя въ непостижимое для него могу-

шество Запорожца, козакъ Середа поспѣшилъ исполнить его приказаніе, не распрашивая, почему и для чего.

Запорожецъ молча повелъ его со двора сквозь ворота, извѣстные уже многимъ читателямъ. Они спустились по крутому входу въ долину, прошли по-подъ висячей башнею, по глыбамъ отвалившейся горы, и поднялись узкой тропою на берегъ бѣирака, смѣстившійся тому, съ котораго они спустились вчера и, по чудной игрѣ природы, совершенно похожій на своего брата, такъ что гора лежала какъ въ зеленой чашѣ, выщербленной только со стороны степи.

Сдѣлавши нѣсколько шаговъ въ глубину лѣса, Запорожецъ остановился и сказалъ:

—Теперь, козаче, садись на коня и повѣжай себя съ Богомъ. Но только не въ Гадячъ, нѣтъ! Върь словамъ сѣчовика Мартина Щербини: онъ ничего даромъ не скажетъ.

Козакъ Середа вспомнилъ сужденіе пана

Бардака о Крыжановскомъ и готовъ былъ охотно слѣдовать наставленію Щербини.

—А куда жъ ты посоветуешь мнѣ ѣхать, пана Щербини? спросилъ онъ.

—Махай, козаче, прямо до славной Сѣчи Запорожской. Тамъ отыщи ты курѣнь Щербиновскіи; а въ томъ куренѣ отаманомъ Петро Щербини; а тотъ Петро, коли хочешь знать, не кто другой, какъ старшій братъ мой. Вотъ ты къ нему и идарься, и скажи ему только, что тебя направилъ до Сѣчи Запорожецъ Мартинъ Щербина, то уже онъ тебѣ не дастъ загнать съ голоду: приметъ и угоститъ не хуже, какъ и панъ Бардакъ. Ты жъ, сынку, не будь бѣлоухомъ, да прямо и скажи, что у тебя есть *нѣнька старѣнька и сестра рбонѣнька*, какъ поютъ въ пѣснѣ, и что ты хотѣлъ бы пойти *въ Тилигуль до Дими* **, а повашему бѣ то сказать — на козацкіи промыселъ, попробовать своей доли; то уже онъ

* Дими называли Запорожцы все нагометничество.

пристроятъ тебя до такой партіи, что еще къ осени привезешь своей панпматкѣ шапку черволицевъ, а сестрѣ жемчужное намисто съ какой-нибудь Туркени. Только, братку, не совѣтую тебѣ жениться на чужой сторонѣ, такъ какъ женился Ивась Комовичко, що—

*Появь себя дѣву, Туркению чужоземку,
У златой сѣни, въ бѣлыхъ басавиши *.*

—Какъ же мнѣ найти дорогу до Сѣчи, пане Щербіно? спросилъ козакъ.

—А вотъ какъ, сынку. Ото заразъ, якъ поѣдешь ты этою дорожкой, то ѣдъ все прямо и не сворачивай, Боже тебя сохрани, въ сторону. Тутъ недалеко за лѣсомъ, можетъ-быть верстъ за пятнадцать, а можетъ и за двадцать отсюда, долженъ быть *Мурдѣвскій Шляхъ* **, который идетъ изъ Московщины, отъ города Тулы, до самаго Перекопа **. Вотъ ты, выѣхавши на этотъ

* Говорится иносказательно о смерти.

** Шляхъ — дорога.

шляхъ, ступай направо. И проѣдешь ты этимъ шляхомъ верстъ—этакъ сказать примерно—верстъ съ полтораста, до рѣчки Орели. А тамъ уже начинаются запорожскіе радуги, фигуры * и зимовники; тамъ уже тебѣ и всякой хлопцевъ скажетъ, куда дорога до Сѣчи. Но вотъ тебѣ мое наставленіе, пане-брате. Хотя и попадешься ты межъ удалыхъ головы, хоть и загуляешь какъ слѣдуетъ поковацки; но никогда не забывай, что имѣешь старую безпомощную мать, которая за послѣдніе гроши снарядила тебя въ войско, бо якъ хочешь ты себѣ толкуй, а недаромъ сказано въ старосвѣтской пѣснѣ:

*Счастливымъ той человекъ на свѣтѣ буши,
Который чтитъ отца и матку поважше!*

Кто знаетъ? продолжалъ онъ подумавши:— можетъ-быть, и бѣдный Михайло погибъ черезъ то, что его отецъ не благословилъ на 'дорогу... Ну, какъ бы то ни было, поѣзжай съ Богомъ, да воюй храбро. А я еще немного тутъ погощу за своими дѣлами. Да! вотъ чуть было не забылъ! Когда Петро начнетъ спрашивать тебя обо

миѣ, то скажи только, что я, съездется, скоро уже отыщу то, за чѣмъ поѣхалъ. Прощай, сѣнику! Бывай здоровъ!

Онъ обнялъ своего товарища съ чувствомъ отца; молодой козакъ обнялъ его съ почтеніемъ и признательностію сыновцею, и съ тѣмъ они разошлись.

Воротясь въ замокъ, Щербина нашелъ своихъ хозяевъ въ великомъ безпокойствѣ. Всѣ искали, куда дѣвался ихъ безцѣнный гость, и тѣмъ больше это приводило ихъ въ недоумѣніе, что Запорожецъ исчезъ, оставя въ конюшнѣ своего вороного. Объ его спутникѣ никто не безпокоился. Вдругъ Щербина явился между ними, какъ-будто упалъ съ неба, и встрѣченъ былъ радостными восклицаніями.

—А мы думали, пане Щербино, что тебя схватилъ уже твой родичъ, говорила ему.

—Эхъ, вы головы разумныя! отвѣчалъ Запорожецъ:—такъ-то, вы думаете, и схва-

титъ съчовника Щербину хоть бы в самому чорту! Нѣтъ, пусть только попробуетъ, собачій сынъ, то воротится безъ роговъ въ некло. Я выпрокодиль смею хлопнѣ до Сѣчи; нехай трѣхъ приучится гулять съ Татарскою. Но это дѣло стороннее, а вотъ о чемъ я у васъ спрошу: Что это за дупло такое? Монастырь ли это какой, или это крѣпость, или это другая Сѣчь Запорожская?

—Быль это, говорятъ, монастырь когда-то, отвѣчалъ ему:—да послѣ Татарвѣ вырѣзала всѣхъ монаховъ, ограбляла все, а монастырь оставался, можетъ-быть, лѣтъ сто пустой, потому что проявились тутъ, говорятъ, какія-то страшница, отгонявшія народъ отъ этого мѣста. А мы какъ приѣхали съ своимъ баномъ Радивѣмъ въ эту сторону, то не нашли для себя лучшаго мѣста. Вотъ мы немножко кое-что тутъ поустроили, изъ старой церкви сдѣлали бану *кѹлу**, тамъ дальше построили конюшню, починили кони и живемъ себѣ тутъ припѣвая, уже года съ два.

* *Кѹла*—баня.

—Кто же такой вашъ банъ?

—Банъ нашъ такой же панъ, какъ и много ихъ по Украинѣ, только конечно погрозило прочимъ: тутъ верстъ на двадцать кругомъ всѣ духу его боятся. Сказано банъ!

—Да зачѣмъ же онъ называется баномъ? Что это за названіе такое, и откуда онъ пріѣхалъ въ эту сторону?

—Зачѣмъ называется баномъ? Затѣмъ, что онъ и есть такъ настоящій банъ Радивой, или князь Радивой. А пріѣхали мы изъ далекой страны, изъ Сербіи, когда слыхалъ.

—Изъ Сербіи, изъ Сербіи, говорилъ Запорожець съ нѣкоторымъ раздумьемъ:— Знаемъ мы эту Сербію, знаемъ... То-то я вижу по вашей крутой мѣтѣ, что вы не изъ нашего народа... Изъ Сербіи... да. У меня есть пріятель Сербинъ. Онъ живетъ тоже тутъ гдѣ-то на Украинѣ великимъ паномъ, а можетъ-быть, и на Гетманщинѣ; не знаю именно, гдѣ, но только

чую носомъ, что онъ тутъ гдѣ-то близко. Ну, а зачѣмъ же вашъ банъ бросилъ Сербію?

—Но такой сегодня день, чтобъ говорить объ этомъ.

—Понимаю. Скажите жъ вы мнѣ пожалуйста, что за причина этому, что вы насъ застучали на мосту и на что вамъ понадо- бился такъ бѣдный Михайло?

—Объ этомъ можешь спросить у самого бана, когда хочешь, чтобъ и твоя глава стояла надъ вратами.

—Пѣтъ, чорта съ два моя голова ему достанется! А тому окаянному жупану по дѣломъ и мѣка. Легко сказать? сплхнуть съ мосту такого славнаго рубаку! Только у насъ на Запорожьѣ иначе бъ съ нимъ расправились: у насъ, братцы, и умрать весело.

—Ну, а какъ же у насъ бы сдѣлалъ?

—У насъ, панове-молодцы, какъ-только

какой гольтипка что украдетъ, или кого убьетъ, или если чортъ подведетъ его на грѣхъ ввестъ въ самую Сѣчь женщину,— за это строже всего наказываютъ, бо черезъ живнѣкъ все лихо на свѣтѣ дѣется,—такъ его раба Божія заразъ берутъ, привязываютъ хорошенько къ столбу посреди площади, а вокругъ него ставятъ въ ваганѣхъ горѣлку, пиво, медъ, брагу; тутъ же лежатъ купами калачи и вязокъ съ четырьмя киев. Вотъ, всякій козакъ, проходя мимо, беретъ кии, выпиваетъ михалокъ горѣлки, или меду, или что ему полюбится, закуситъ калачемъ, а потомъ ударитъ киемъ виноватаго и скажетъ: «Вотъ это тебѣ, чтобъ не кралъ, не разбойничалъ, не плюгавствовалъ! Мы всѣ за тебя цѣлымъ куренемъ платимъ! И пошелъ себѣ своимъ путемъ. Послѣ придетъ другой козакъ, третій, и такъ бьютъ его и приговариваютъ, пока не стаетъ у него духу. А онъ тѣмъ временемъ тожо попиваетъ горѣлку или медъ, чтобъ не такъ горко было умпрать»¹.

—Смотри пожалуй! какое славное заведеніе у людей! говорили слушатели Щор-

бины:—Оно и правда, что козакамъ охотнѣй бить, а ему умпрать веселѣй. А не такъ какъ нашему *бариктару*² сегодня: отрубать глѣву однимъ махомъ *мѣча* да и поминай, какъ звали.

—А что жъ мѣшаетъ и вамъ такъ сдѣлать у себя?

—Эге! А *И-здоровъ* что скажетъ?

—А что жъ такое *И-здоровъ*? Если онъ считается у насъ вмѣсто кошового, то еще не велика бѣда. У насъ на Сѣчи войсковая рада что хочетъ, то и дѣлаетъ; и если кошовый часомъ прошипется, такъ и его къ столбу!

—То жъ у васъ на Сѣчи, а у насъ иначе: у насъ что скажетъ банъ, то должно быть свято: на то онъ банъ. А хотъ бы и не свято, такъ что жъ ты будешь съ нимъ дѣлать? Такъ уже заведено отъ пращѣдовъ.

¹ *Бариктар*—знаменосецъ, хоружий.

А впрочемъ житье намъ съ нимъ славное: ѣжь, пей, что хочешь; веселись, забавляйся, какъ угодно; только знай свою должность: будь вѣренъ, служи усердно, умѣй держать языкъ за зубами и, гдѣ дойдетъ до дѣла, не жалѣй головы; вотъ и все. Остаешься, пане Щербяно, у насъ; будешь межъ нами какъ братъ родной, а банъ на жалованье не скупи.

—Пожалуй, сказалъ Щербяно:—Мнѣ все равно, гдѣ жить, то жить, лишь бы какъ-нибудь добраться до могилы, чтобъ хоть немного отдохнуть. Только, братцы, вотъ уговоръ. Платы отъ васъ, за то что буду жить да гулять, я никакой не требую. Но если мнѣ понадобится заняться своимъ дѣломъ, то уже не погибайтесь: покину васъ и днемъ и ночью, ни у кого не спрашиваясь.

—Да и мы, есть слухъ, тутъ уже не долго будемъ. Недавно прѣзжалъ гонецъ изъ Сербіи. Кажется, все у насъ дома ладится понашему, и банъ воротится въ свою цѣхю.

—Однакожь, братцы, сказалъ Запорожецъ:—что я за козакъ безъ сабли? Дайте лишь мнѣ ее назадъ, да пора чего-нибудь и закусить.

Все было исполнено по его желанію.

Между-тѣмъ время казни, назначенной Радивою съему баряктару, приближалось, и Сербы ждали этой роковой минуты очень спокойно. Въ нихъ не обнаруживалось ни негодованію, ни чувство мести за смерть своего собрата. Жестокій приговоръ нестоваго Радивоя былъ совершенно въ ихъ характерѣ.

Сербы съ давнихъ временъ постоянно были подвержены такимъ тревогамъ и волненіямъ, что не имѣли времени образовать изъ себя правильное политическое тѣло и установить законы судопроизводства: идея самосохраненія поглощала въ нихъ все прочія. Предводители ихъ, дѣлившіе межъ собой Сербію на множество частей и называвшіе себя *князьями, банами, князьями и войводами*, заботились только объ отраже-

ниъ враговъ и, занятыя безпрестанно войною, судили своихъ подчиненныхъ, безъ дальнихъ разысканій, судомъ категорическимъ, иногда въ общемъ совѣтѣ, а чаще по собственной волѣ. Потомки дѣйствовали при расправѣ тоже—помня обычай предковъ; и такимъ образомъ кровавый приговоръ восначальника сросся съ понятіями народа о правосудіи и вынадалъ вповсюду, въ общемъ мнѣніи, какъ приговоръ самой судьбы. А безпрестанная рѣзня съ Турками и съ противными партіями, ожесточившая характеръ цѣлой націи, безпрестанныя хожденія на *освету* * и на дѣвохщеніе приучили Сербовъ видѣть кровь и смерть почти ежедневно. Всѣ ихъ преданія, баллады и пѣсни наполнены самыми трагическими, самыми кровавыми сценами и описаніями. У нихъ, напримѣръ, цѣлая рѣка течетъ окровавленная и покрытая трупами; у нихъ *юаки* рубятся съ такимъ ожесточеніемъ, что черныя печенки видѣются сквозь раны ихъ ** и кровь всадника, те-

* Крестовщизна.

кущая изъ ранъ, залпваетъ у него въ кобурахъ пистолеты **; у нихъ вопиѣе возррацается съ поля битвы съ обогранными кровью по локоть руками и на конѣ, котораго ноги по колѣни въ крови **; у нихъ братъ жениха подноситъ ему за свадебнымъ столомъ, какъ самый радостный подарокъ, мертвую голову врага его **! *Смерть, кровь, раны* суть перлы въ стихѣхъ народной пѣсни сербской. А понятіе о мести перешло у нихъ даже въ религиозную идею: вмѣсто *отомстить за убійство* у нихъ говорятъ—*освятить душу убитаго* **. Рѣзаться и стрѣляться составляетъ у нихъ такую же потѣху, какъ у насъ кулачный бой, и страсть къ рѣзнѣ такъ глубоко пронакла въ ихъ нравы, что даже въ наше время часто молодые Сербы, волнуемые горячей кровью, оставляютъ домъ родителей и удаляются въ горы *гайдушествовать*, то есть разбойничать, изъ одной охоты порѣзаться **. Остервененіе ихъ характера, раздраженнаго въ теченіе столѣтій стеченіемъ обстоятельствъ, требуетъ пищи, и то, что ужаснуло бы другаго человека,

Серба приводить въ какое-то дикое услаждение.

Глядя съ этой точки зрѣнія, намъ не покажется неестественнымъ желаніе, можетъ быть, ожесточеннаго судьбою Радивой видѣть на воротахъ своего замка голову раздражившаго его подданаго, не покажется также неестественнымъ и равнодушіе его юнаковъ, взрослыхъ и состарившихся подъ деспотизмомъ своихъ правителей 79.

Итакъ время казни наступило. Несчастнаго баряктара вывели на дворъ и доложили Радивой. Радивой не замедлилъ явиться на высокомъ крыльцѣ своихъ палатъ. Онъ былъ такъ же мраченъ и сердитъ, какъ и вчера. При боку у него висѣлъ турецкій ятаганъ, за поясомъ торчалъ кинжалъ.

Осужденнаго поставили передъ крыльцомъ на колѣни. Надъ нимъ стоялъ палачъ съ широкимъ и тяжелымъ въ рукѣ мечомъ, который злитварій отнесъ бы, можетъ быть, еще ко временамъ Аттилы.

Всѣ столпились у крыльца, не столько изъ участія къ преступнику, сколько изъ желанія услышать, что скажетъ при этомъ случаѣ банъ, ибо онъ говорилъ такъ мало, что его подданные иногда по цѣлой недѣлѣ не слыхали отъ него ни слова.

Но молчаливый деспотъ, повидимому, не намѣренъ былъ на этотъ разъ осчастливить ихъ своею рѣчью. Онъ окинулъ своимъ тяжелымъ взглядомъ все собраніе, какъ-бы желая знать его мнѣніе на счетъ казни, и уже готовъ былъ дать палачу роковой знакъ, какъ въ это самое время подступилъ къ нему Запорожецъ.

Онъ былъ выбритъ, вымытъ и переодѣтъ въ новое платье, которое привезъ въ торокахъ и которое было такъ ярко и богато, что даже глаза Радивой обратились на него съ особенною живостью.

—Исполниможній пане отамане! сказалъ Щербина:—яв правда—свѣтлый бане, какъ говорятъ твои Сербы, хотя оно, сказать по правдѣ, все одинъ бѣсъ. Знаешь что я

доложу тебѣ, *господине мой драгий?* коли уже ты хочешь, чтобъ и я говорилъ по сербски. Обычай вашъ во всемъ хорошии и православнымъ христіанамъ приличныи, но вотъ на этотъ разъ, такъ у васъ чортъ знаетъ что за заведеніе! Гдѣ жъ таки видано, чтобъ челоуѣка убивать, какъ скотину, или рѣзать, какъ баба курицу? На что это похоже? Не лучше ли привязать его какъ слѣдуетъ къ столбу, а кругомъ разставить медъ, пиво, калачи...

Но тутъ терпѣнье Радивоя истощилось.

—Гусвотъ, море! сказалъ онъ, однакожъ довольно спокойнымъ голосомъ:—отойди, а то погубишь!

—Погуби? сказалъ Запорожецъ:—а это что?

Онъ брякнулъ своею саблею.

Радивой слегка усмѣхнулся, можетъ-быть, разъ въ нѣсколько лѣтъ, и движеніемъ руки велѣлъ отвести въ сторону Запорожца, ко-

торого онъ шадилъ за его невѣроятную дерзость и нерадѣніе о жизни.

Но Запорожцу не понравилось это рѣшеніе. Онъ выхватилъ саблю и, прислонясь спиною къ стѣнкѣ крыльца, сказалъ:

—А ну, пацѣво молодцы! кто кого своятъ!

Сербы остановились въ изумленіи и ждали, что скажетъ банъ.

Банъ на сей разъ былъ очень доволенъ. Онъ прошелся вдоль по крыльцу и, потирая руки, проговорилъ въ полголоса:

—Юнакъ *раборъ* *!

Потомъ, обратясь къ своей гвардіи, далъ рукою знакъ къ нападенію.

Но знаю, какой конецъ имѣло бѣ удалъ-

* Храбрь, храбрый. Сербы не выговариваютъ буквы г.

ство Шербини, еслбъ неожиданное обстоятельство не прекратило этой драки. Взмахнувши раза три своей турецкой саблею, Запорожець почувствовалъ на плечъ вчерашнюю рану и, видя, что она не позволяетъ ему показать свое искусство и силу, бросилъ саблю и сказалъ съ досадою:

—Падалъ же чортъ якому-сь дурню разрубить мнѣ вчера плече! Теперь хоть за веретено берись!

Сербы очень рады были этой развязкѣ. Имъ жаль было бы ранить Запорожца, а зная, какъ онъ защищался наканунѣ, они тѣмъ съ большей неохотою брались за сабли.

Осужденный во все это время стоялъ на колѣняхъ. Палачъ держалъ надъ нимъ шпрокiй мечъ. Глаза всѣхъ отъ Запорожца обратились снова къ Радивою.

Радивой молча прохаживался по крыльцу и, казалось, забылъ о своей жертвѣ. Для

него это было не важное дѣло. Онъ привыкъ дѣлать такія операціи между прочимъ. Другія думы, другія заботы, туманили на этотъ разъ его угрюмое лицо.

Но эта случайная его разсѣянность была благодѣтельна для осужденнаго. Въ воротахъ старой башни показался человекъ, въ шлѣ и поту, вѣдая за собой усталаго коня.

—Гонимъ! гонимъ! Книга! книга *! заговорили въ толпѣ многіе голоса.

Эти слова пробудили Радивоя. Онъ обратился къ воротамъ; взоръ его заблесталъ радостью. Онъ махнулъ рукою палачу и сказалъ:

—Не надо!

* Книга у Сербовъ значитъ письмо. Для отличія книги (epistola) отъ книги (liber) прибавляется иногда къ первому значенію прилагательное *сѣтна* (небольшая) книга.

Потомъ, давъ гонцу знакъ слѣдовать за собою, ушелъ въ свои палаты.

Въ слѣдъ за тѣмъ пострая толпа отхлынула отъ крыльца, поздравляя своего барактара съ избавленіемъ отъ смерти.

ГЛАВА XXIII.

— Жаль! сказалъ Запорожець:—эту краснoperую птицу стоило бы такъ пощипать за моего бѣднаго Михайла! Ну, нѣчего дѣлать, братцы; но удалось намъ погулять на похоронахъ этого молодца, такъ погуляемъ хоть за его здоровье и многолѣтіе, пока опять онъ попадетъ въ руки вашему свѣтлому бану. А давайте лишь сюда бочонокъ пана Бардака.

Предложеніе его было принято всѣми единодушно. Боченокъ пана Бардака наполнился виномъ, и Запорожцу опять открылось поприще, на которомъ онъ не встрѣчалъ себя соперника.

Щербина былъ пзъ числа тѣхъ людей, которымъ все къ лицу, чтобъ они ни затѣяли; которые смѣются въ глаза каждому, и никто не считаетъ себя обиженнымъ; которые, повидному, не обращаютъ ни на кого вниманія, а между-тѣмъ заставляютъ всякаго дѣйствовать по ихъ волѣ. Характеръ его такъ пришелся по нраву новымъ его знакомцамъ и такъ очаровалъ ихъ, что даже баряктаръ, о котораго смерти онъ хлопоталъ съ такимъ простодушіемъ, не имѣлъ духу на него сердиться и охотно шелъ съ нимъ за свое долгоденствіе.

Для черезъ два на него всѣ уже смотрѣли, какъ на своего давняго собрата. Онъ расположился какъ дома, отдалъ своего во рошаго подъ надзоръ двумъ конюхамъ, приказалъ очистить и принарядить для себя жильѣ въ высшей башнѣ, которая ему

поправилась своимъ опаснымъ положеніемъ, повелѣвалъ всѣми, и его повелѣнія имѣли въ себѣ что-то такое ласковое, братское и вмѣстѣ господствующее, что даже чауши Радивоевы не считали себя въ тягость выполнять ихъ, а малая братія, дивясь его удалству, бойкимъ рѣчамъ, смѣлости и богатому наряду, надѣтому не безъ умыслу, считала за честь, если онъ обращалъ къ ней рѣчь, и кланялась ему въ поясъ.

Словомъ, онъ въ этой новой Сѣчѣ сдѣлался маленькимъ кошонимъ, потому что Радивой казался особеннымъ, отдѣльнымъ отъ остальнаго міра существомъ, кроющимъ въ глубинѣ души своей какую-то думу, которая вѣчно его мучила и вмѣстѣ съ тѣмъ была единственнымъ звеномъ, привязывавшимъ его къ жизни. Онъ не участвовалъ въ забавахъ своихъ вассаловъ и не вступалъ ни съ кѣмъ въ разговоры. Все сообщеніе его съ ними ограничивалось короткими, часто только мимическими приказаніями, которыя исполняемы были слѣпо, его щедрыми наградами въ случаѣ благосклонности и немстовымъ гнѣвомъ въ

случаѣ немплости. Онъ постоянно былъ одинаковъ: молчаливъ, угрюмъ и свирѣпъ какъ звѣрь. Можетъ-быть, скука по отчизнѣ и тоска по какимъ-нибудь неудачамъ не могли выразаться иначе въ этомъ дикомъ существѣ, которую, привыкнувъ въ своей роднѣ къ кровавымъ подвигамъ, привыкнувъ прядать по горамъ, рыскать по ущеліямъ и метать громаы на своихъ противниковъ, теперь томилось и ярилось бесполезною враждою, какъ левъ въ желѣзной клеткѣ.

Но при своемъ мрачномъ расположеніи духа, банъ любилъ, чтобъ вокругъ него шумѣли и веселились, обѣдалъ и ужиналъ всегда за однимъ столомъ со своими отборнѣйшими юнаками и терпѣлъ спокойно ихъ буйный говоръ, который иногда, особенно при помощи Запорожца, восходилъ до высшей ноты. Когда жъ случалось, что на дворѣ устанавлилась нѣкоторая тишина, онъ посылалъ сказать, чтобъ юнаки забавлялись стрѣльбою, сѣчею или музыкой и танцами. Недатка въ винѣ для нихъ у него никогда не было. Онъ вывелъ изъ Сербіи много золота, и, разсыпая щедро

деньги, казалось, не зналъ имъ цѣны. Это больше всего и влекло къ нему умы и сердца бездомныхъ молодцовъ, при всей его жестокости.

Запорожецъ и тѣмъ еще приобрѣлъ вліяніе на своихъ товарищей, что вошелъ въ нѣкоторыя сношенія съ недоступнымъ Радивоемъ, чего до сего времени никому еще онъ удавалось. Радивой самъ назначилъ ему за столомъ мѣсто, возлѣ себя по правую руку, любилъ слушать его рассказы о наѣздахъ запорожскихъ на Татаръ и Польшу, о безпрестанныхъ пограничныхъ войнахъ съ Ногайцами и Крымцами, которые Щербина описывалъ такъ увлекательно, что часто слушатели клали на столъ ложки свои и, подперши рукою подбородокъ, а глаза уставя на рассказчика, ждали, чѣмъ кончится отважная затѣя какого-нибудь куреннаго отамана. Въ его повѣствованіяхъ чаще всего встрѣчались—пламя, кровь и смерть, и потому они нравились Сербамъ до энтузіазма.

Иногда Радивой наклоніемъ головы по-

казывалъ, что онъ доволенъ его разсказами; иногда даже короткимъ словомъ, сказаннымъ тихо, какъ-бы для себя, выражалъ свое мнѣніе, что впрочемъ случалось очень рѣдко. А разъ, когда Запорожецъ окончилъ самое жаркое описаніе кровавой схватки между Турками и козаками на Черномъ морѣ, онъ такъ былъ восхищенъ, что вскрикнулъ:

—Добре, юначо! Испій чашу руйна вина!

Потомъ, наполнивъ серебряный кубокъ лучшимъ виномъ и поставя его передъ Запорожцемъ, сказалъ:

—Дарю!

Никто однакожъ не завидовалъ успѣхамъ Запорожца. По пословицѣ *рыбакъ рыбака видитъ сдалека*, эти люди вполне постигли и оцѣнили храбрость и отвагу Щербаны. А храбрость у всѣхъ народовъ, воинственныхъ по преимуществу, считалась добродѣтельною не только главною, но такъ сказать юркою и за всѣ прочія добродѣтели, укра-

шающія мужчину (и Римляне не даромъ называли ее многообъемлющимъ *virtus*). Вотъ почему жестокой Радивой такъ скоро полюбилъ Щербину. Вотъ почему и Щербина такъ сильно жалъ о Михайлѣ.

На этомъ же основаніи (замѣчу мимоходомъ) и все запорожское товариство такъ крѣпко связано было между собою самою тѣсною дружбою и братскою любовью. На этомъ же основаніи, если хотите, и всѣ рыцарскіе ордена составляли такія дружныя, такія неразрывныя семейства и были могучи и несодолимы до тѣхъ поръ, пока существовала между ними братская любовь; а братская любовь существовала межъ ними только до того времени, пока суровое ихъ мужество и храбрость не уступили мѣста изнѣженности и разврату. Но оставимъ историкамъ извѣснять психологически событія рода человеческого и займемся судьбою частныхъ индивидуумовъ.

Скоро Запорожецъ приобрѣлъ такую власть надъ умами своихъ хозяевъ, что въ случай спора, недоумѣнія или ссоры, они прихо-

длин къ нему судиться, и онъ шутя не одного изъ нихъ велѣлъ выстрѣль батогами, а другихъ черезъ эти шутки заставилъ слушать себя безпрекословно, какъ начальника. Впрочемъ житью попрежнему шло весело и шумно.

Два недѣли прошло уже послѣ происшествія на мосту. Запорожець не думалъ о дорогѣ и, казалось, забылъ о своемъ предпріятіи. Два раза только онъ отлучался куда-то дня на два, не сказавъ никому ни слова, и воротясь въ замокъ, на всѣ вопросы своихъ товарищей отвѣчалъ, смѣясь и передразнивая Радивоя:

— Не спрашивай, *море, а-то погибнешь!*

Почти каждый день ѣздилъ на охоту, въ которой участвовалъ и самъ Радивой. Щербина и тутъ былъ первымъ. Никто вѣрнѣй его не стрѣлялъ изъ ружья, никто не могъ выбрать съ большимъ умѣньемъ мѣста для встрѣчи звѣря ⁷⁶.

Замѣтя въ немъ эти два новыя досто-

инства, Радивой еще больше полюбилъ его, — подарилъ ему дорогое дамасское ружье, или, какъ называлъ онъ посербски, *пушку джевердану*, велѣлъ всегда ѣздить съ собою отдѣльно отъ прочей свиты и даже иногда вступалъ съ нимъ въ небольшіе разговоры.

Разъ возвращались они съ многотрудной, но счастливой ловли. Дружина Радивоя отослана была впередъ, а самъ онъ, о бокъ съ Запорожцемъ, ѣхалъ тихо, ворча сквозь зубы любимую свою пѣсню о томъ, какъ Марко Кралевичъ нашелъ отцовскую саблю. Это было признакомъ ясной погоды въ его душѣ, всегда суровой и угрюмой. Однакожъ Щербина не рѣшался заводить съ нимъ разговора, зная, какъ ненадежна тишина этого характера, тотчасъ готовая вскипѣть, какъ только случайно что-нибудь дотронется до того мѣста, которое поражено глубокой язвою. Но когда они приближались къ Михайлову мосту и Радивой, вмѣсто того, чтобы взлѣхать на мостъ, поворотилъ направо на узенькую тропику, Щербина счелъ долгомъ вывести его изъ

задумчивости и воротить на прямой путь.

—Пане отъmano, сказалъ онъ:—Не во гнѣть тебѣ будь сказано, можно бѣ подумать, що твоя мость выхлпнла добру чашу рѣйна вина, бо шо-сь не даромъ брѣжиль ты дрѣму да лѣзонь туда, куда только лисицы бѣгають. Развѣ не видишь, что мы уже минули мость?

—О Щербино, мое дѣсно крѣло! отвѣчалъ Радивой ладомъ сербскихъ пѣсень, на который настроено было теперь его воображеніе:—не знашь, побратиме, о чемъ пыташь. Ни я чашу рѣйна вина испью, ни я съ пута совратно. Ветъ ** дума тежка простерлася мнѣ по главѣ. Дошла моему бѣлому двѣру вѣсть, что господари многи, съ которыми я тутъ имѣлъ кавгу ***, пока не научилъ ихъ знать бана Радивоя, вста-

* Друм—большая дорога. Щербина наворачиваетъ сербски.

** Не.

*** Кавга—ссора, драка.

ють на меня всё разомъ, да истребятъ меня, а моихъ юнаковъ да разгонять, као стадо врановъ. Но гунсвотъ, море! да Богъ ихъ убіе! Я здоровъ! о, я здоровъ тожко! Мои усарины гоняли Турокъ по десеть на однога, самъ я гоню тридесеть на однога, као и мой предокъ Вучко Любичичъ, что отнялъ знамя у шестдесетъ айдуковъ и за то получилъ въ даръ кулу на Жогарѣ **.

И данас је кула на Жогари,
Познала се Вучка Любичича...*

Есть кула! вскрикнулъ онъ вдругъ своимъ неистовымъ голосомъ такъ громко, что эхо пошло по лѣсу:—Но кто ея владѣеть?... А, гунсвоты, бусурманы, внуки дьявола!... Еще сіяетъ мачъ гребештацъ ** въ моей рукѣ! Придетъ еще время, когда я гряну на ваши головы!... Но я и здѣсь никому не спущу, море! Завтра, побро ***, посади на конь моихъ усариновъ, налетимъ на

* И поминъ есть замокъ на Жогарѣ,
Называется зинкомъ Вучка Любичича.

** Мачъ гребештацъ—мечь булатный.

*** Ширро—сограниченіе слова побратимъ въ заст. над.

проклятыхъ гаврановъ и отнимемъ у нихъ подь самимъ посогъ стадо овецъ. Покажемъ гусвотамъ, что мы ихъ не боимся. Я здоровъ, море! я тежко здоровъ!

Щербина былъ великiй полптивъ. Онъ зналъ, что Радивой въ припадкахъ своей раздражительности забываетъ отношенiя свои къ людямъ и готовъ безъ всякой причины придратися къ ничегу незначащему слову, а потому онъ удержался съ вопросами, хотя ему свильно хотѣлось узнать, куда ѣдетъ Радивой.

Радивой молчалъ, сердито нахмуривъ брови, надъ которыми всякой прочель бы тяжелой воспоминаiя, возмущивши вдругъ минутный миръ его души. Но по мѣрѣ того какъ оба всадника, одинъ по слѣдамъ другаго, углубились въ чашу лѣса, держась праваго берега шумнаго потока, лицо Радивоя теряло свое грозное выраженiе, и наконецъ онъ началъ снова напѣвать о томъ, какъ Марко Краденичъ умирая раздробилъ въ куски свою саблю, чтобъ она не досталась Туркамъ и чтобъ Турки не

гордплись саблею столь славнаго влтизя **.

—Пане отамане, сказалъ ему тогда Запорожець и принялся коверкать его слова: — я посажу на конь твоихъ усариновъ и отниму стадо овецъ у проклятыхъ гаврановъ, море! а коли хочешь, то и бре, господине мой драгий. Но только скажи ты мнѣ для Бога милога, куда вотъ это нечестный насть несетъ?

Такая выходка Запорожца, вмѣсто того чтобъ обидѣть Радивоя, вынудила у него невольную улыбку:

—Авай *, пѣбро! весела ти майка **! Не знашь, пѣбро, бесѣдвати посербску. Саблею знашь, а языкомъ не знашь.

—Бре, войвода, да Богъ тебе позна! отвѣчалъ Запорожець, шая какъ избалованнымъ щенкомъ, которому левъ позволилъ играть

* Мелодиче.

** Мадка — мать.

своимъ хвостомъ:—Лучше жъ владѣть саблею, чѣмъ языкомъ, бо языкомъ одна баба переспоритъ двадцать козаковъ, а съ саблею одинъ козакъ разгонитъ тысячу бабъ. Но скажи ты мнѣ для Бога милота, куда это мы ѣдемъ?

Вмѣсто отвѣта, Радивой указалъ ему рукою впередъ.

Дорожка, по которой они ѣхали, спускалась по косогорю въ глубокую долину, покрытую отдельными семействами березъ и орѣшника. На противоположномъ косогорѣ Запорожецъ замѣтилъ что-то въ родѣ строенія, и любопытство его было тѣмъ сильнѣе, что онъ до сихъ поръ не подозрѣвалъ, чтобъ вблизи зѣмка Радивоева было какое-нибудь жилище человѣческое. Распрашивать теперь объ этомъ у Радивоя было нѣ для чего да, можетъ-быть, и не въ пору, а потому Щербинна ѣхалъ молча, въ ожиданіи, пока естественнымъ порядкомъ объяснится ему это обстоятельство.

Поднявшись на косогоръ и обогнувши

нѣсколько густыхъ группъ деревьевъ, они очутились въ виду деревяннаго домика, котораго все окна обращены были въ дворъ, обнесенный высокимъ заборомъ.

Радивой взялъ висѣвшее у порога железное кольцо и стукнулъ съ разстановкою трижды. Еще не успѣло умолкнуть эхо, произведенное этимъ стукомъ, какъ ворота отворились, и Щербинна не мало удивился, когда навстрѣчу Радивою вышли двѣ женщины въ синихъ полукафтаньяхъ, тогда какъ онъ ожидалъ, что такихъ выглазей, какъ онъ и его банъ, встрѣтить въ этомъ зѣмкѣ по крайней мѣрѣ одна пара добрыхъ усовъ.

Женщины, приближаясь къ Радивою съ знаками великаго почтенія, поцѣловали у него сперва стремя, потомъ ногу и руку, но все это произошло въ молчаніи. При взглядѣ на Запорожца, въ глазахъ ихъ выразилось замѣтное удивленіе, но, видно, онѣ хорошо знали характеръ Радивоя. Вмѣсто всякихъ восклицаній, онѣ поклонились и ему молча, и потомъ одна взяла подъ устцы

коня Радвоева, а другая подошла было къ коню Запорожца. Но вороной Щорбины дико храпнула и сдѣлала угрожающій прыжокъ.

— Бре, юначе! сказалъ Радивой: — отдай коня слушкнѣ.

— *Море*, пане отамане, отвѣчала Запорожецъ: — Худо жъ ты знаешь моего вороного. Никогда женская рука не касалась даже волоска его гривы, и скорѣи онъ дастъ поводъ свои волку, чѣмъ женщину. Такая, видишь, уже натура запорожская. Отдай ты своего коня, кому хочешь; а я своего разнуздаю и пушу къ дѣсу. Пусть немного погуляетъ.

ГЛАВА XXIV.

Сшедши съ коней, онъ вошелъ въ большую комнату, слабо освѣщенную погасающею лампою, потомъ прошелъ еще дѣтъ комнаты, которыхъ убранства нельзя было хорошо рассмотреть, ибо вечеръ начиналъ уже смѣняться сумерками. Щорбина чувствовалъ только, что идетъ по коврамъ, видѣлъ вокругъ себя низенькіе диваны, напоминавшіе ему Крымъ и Турцію, и даже почувалъ запахъ восточныхъ арома-

тическихъ куреній. Любопытство его съ каждымъ шагомъ увеличивалось, но онъ шелъ съ великою осторожностію, боясь какии-нибудь стукомъ разсердить Радивою и чрезъ то лишиться случая увидѣть нѣчто интересное. Между тѣмъ онъ размышлялъ такъ:

—Бестія однакожъ и Радивою! живеть какъ монахъ въ своей башнѣ; слова отъ него путнаго не добьешься; только и знаетъ, что останавливать добрыхъ людей на дорогѣ да снимать головы своимъ Сербамъ; но между-тѣмъ не забываетъ, какъ видно, пожить порой и потурецки... Чудно только, какъ онъ рѣшился показать мнѣ свою одадыску! Вотъ уже два раза на моемъ вѣку поставлю я въ тушику не хуже иного школяра, который, вышедши читать *апостола*, потеряетъ закладку. На что этому потурченному Сербу понадобился мой Михайло, и съ какой стати онъ вдругъ ведетъ меня къ своей одадыскѣ?

Скоро однакожъ его мнѣніе на счетъ послѣдняго пункта перемѣнилось. Едва всту-

пили они въ четвертую комнату, которая освѣщена была двумя лампадами, какъ вдругъ изъ боковой двери вышла, или лучше сказать—выпорхнула, на встрѣчу Радивою дѣвушка такой красоты, что Запорожецъ, при всемъ своемъ цинизмѣ, остановился въ чуждомъ для него смущеніи.

Еслибъ я началъ описаніе ея, какъ водится, съ *вообразите*, вы прежде измучили бъ навѣки свое воображеніе, чѣмъ бы достигли до такой высоты, чтобъ представить себѣ что-нибудь подобное. Это была именно такая красота, которая туманитъ зрѣніе и повергаетъ въ обморокъ, красота полная, красота, на которую глядя, хотѣлъ бы вѣровать, что она «вѣчна», повергнуться предъ ней во прахъ и принести жертву. Азіатскій нарядъ, богатый и пѣжрый, какъ лепстки розы, и такъ же естественно и легко драпировавшійся невымысленными складками, придавалъ еще больше блеску чуднымъ формамъ этой женщины, и казалось, одишь только такой нарядъ и шелъ къ ней. Всякой другой показался бъ насильственнымъ при ея дивныхъ фор-

махъ. Въ ея походкѣ конечно не было того, чѣмъ полюбовался бѣ выигшій франтъ, привыкшій съ дѣтскаго возраста жеманныя кривлянья принимать за грацію; зато художникъ, котораго воображеніе напрасно сплелось создать идеалъ благородныхъ движеній Діаны, можетъ-быть, здѣсь встрѣтилъ бы то, чего не приносили ему в самыя свѣтлыя минуты вдохновенія. Таково было существо, встрѣтившее суроваго Радивоя съ радостными восклицаніями:

—А, милый бабо*, милый бабо! да Богъ тебе найде! Ты мнѣ даруешь сегодня ясный день, хоть бы все небо покрыто было тучами.

Она поцѣловала его въ руку. Радивой поцѣловалъ ее въ уста и *между очи черне*, какъ поется въ сербскихъ пѣсняхъ.

—Дитя мое драго, сказалъ онъ, сѣвши на пизенькомъ диванѣ и взявъ ее объими

* *Babo* — маленька.

руками за голову, которую она положила ему на колѣни, сѣвъ на коврѣ у ногъ его: —Дитя мое драго, моя мила Роксанда! Если громъ глухо гремитъ въ черныхъ, какъ дымъ, тучахъ, никто не призываетъ его надъ кровлю своего дома; а ты хочешь, чтобъ я приходилъ смущать тихое твоё жилище своимъ голосомъ, который данъ мнѣ для устрашенія враговъ, а не для ласканія женскаго слуха. Пусть громы, князіе въ моемъ сердцѣ, разразятся надъ проклятыми бусурманами, а не надъ твоею головою, которая мнѣ гнѣвному и печальному мила такъ же, какъ суровому пустышнику вечернее солнце, сверкающее красными искрами сквозь темную вершину стараго дуба.

—Отче мой и господине благіиі, отвѣчала Роксанда:—хотѣла бѣ я принять на свою главу громъ и молнію, чтобъ только возвратить тебѣ ту радость, какою освѣщала ты наши души, когда мы жили въ милой Сербіи....

—Въ кровавой Сербіи, проговорилъ тихо Радивой.

Роксанда продолжала:

—Когда ты управлялъ тысячами съ такою жъ властью, такъ же грозно, какъ и царь на Стамболѣ, когда тихій мѣсяцъ нашего дому—моя мать незабвенная осыпала насъ своими ласками, какъ розами, золотила твой отдыхъ отъ войны, какъ золотить горящая заря вершины дикихъ горъ нашей родины и темные лѣса, всегда смутно глядящіе въ долины. Ахъ, какіе то были счастливые дни, мой милый бабо!

—Молчи, море! молчи, мое чадо драго, сказалъ Радивой сердитымъ и вмѣстѣ тронутымъ голосомъ, и потомъ, закусивъ нижнюю губу, онъ задумчиво склонилъ голову.

—Ты знаешь, Роксанда, говорилъ онъ помолчавъ съ минутою:—что я давно свернулъ въ своей памяти этотъ свитокъ и хотѣлъ бы навѣки запечатать его забвеніемъ. Зачѣмъ же такъ смѣло развернула ты его передъ моими глазами? Бойся, чтобъ я не огорчилъ тебя своимъ гнѣвомъ; не прикасайся къ ранамъ моего сердца. Въ замѣну

той лѣтописи, въ которую я не хочу заглядывать, я напишу другую, мечемъ напишу ее, и всякій потомокъ будетъ чтать ее съ благодарностію. Моли Бога, Роксанда, чтобъ онъ помогъ мнѣ помнѣ намѣреніямъ. Получилъ я книгу изъ Сербіи. Книга пишетъ, что есть надежда на помощь отъ Венгровъ, что мое имя ходитъ межъ народами и всѣ ждутъ меня, какъ орлята своей матери. Враги мои не знаютъ, что я живу, радуются моей смерти и говорятъ:—Хвала Аллаху! нѣкому поднять въ Сербіи меча и знамени противъ сыновъ Магомета!—Но зато никогда стадо голубей не пугалось такъ, увидя надъ собою сокола, какъ испугаются невѣрные, когда моя сабля всѣхъ выше, всѣхъ грознѣе блеснетъ надъ ихъ чалмами. Горы оживутъ, лѣса заговорятъ и рѣки отозвутся голосомъ на мое имя. Море! гуисвотъ! о, я здоровъ, я тежко здоровъ!

И потомъ онъ снова успокоился и снова началъ ласкать свою Роксанду, какъ-будто нѣжный ея взглядъ тотчасъ укрощалъ мятежный духъ его.

Запорожецъ, стоя у дверя, съ большимъ вниманіемъ глядѣлъ на эту сцену. Ему ново и чудно казалось въ жестокомъ характерѣ Радивоя иѣжное чувство, которое выражалось въ его наклоненномъ къ дочери лицѣ и блестяю тихою искрою въ его зорѣ. Для него былъ новъ и этотъ восточный складъ рѣчей Радивоя, который обнаруживалъ въ немъ образованный (посербски) умъ и душу, способную наслаждаться мирною домашнею жизнью, еслибы обстоятельства не превратили въ бурю внутреннихъ силъ ея.

Радивой съ своею дочерью представлялъ прекрасный сюжетъ для изображенія противоположныхъ характеровъ, которые сближены однимъ чувствомъ такъ, что в различіе пола, в различіе лѣтъ, в различіе физиономій, при всемъ своемъ несходствѣ, казались чѣмъ-то общимъ, такъ гармонирующимъ одинъ съ другимъ, какъ гармонируютъ съ древнимъ дубомъ зеленые его отпрыски, иѣшающіе свѣжіе свои листья съ вѣковымъ мохомъ вѣзкаго его ствола. Она, положила обѣ руки и подбородокъ на его ко-

лѣно, глядѣла ему въ очи; и хотя въ глубинѣ взора Радивоева виденъ былъ характеръ могучій, питающійся дерзкими предпріятіями и надеждами власти и славы, а во зорѣ Роксанды виднѣлась душа тихая и иѣжная, дающая источникъ всему, что производитъ человекъ изящнаго; однакожъ въ томъ же зорѣ и у Радивоя и у его дочери свѣтилось чувство, составляющее переходъ отъ могущества къ иѣжности, отъ великаго къ прекрасному; и соединеніе этихъ двухъ главныхъ элементовъ человеческой природы такъ сгармонировало обѣ фигуры, что и для Запорожца Щербини, непосвященнаго въ таинства изящныхъ искусствъ, но принимавшаго въ душу общія всему человечеству впечатлѣнія бессознательно, Радивой, при иѣжно-изящныхъ формахъ своей дочери, казался еще громаднѣе, еще могучѣе, еще болѣе похожимъ на мужчину, а его дочь, при его атлетической фигурѣ, казалась еще изящнѣйшимъ, еще достойнѣйшимъ образцомъ женщины.

— Спой мнѣ, мила Роксанда, любамую

мою пѣсню о Маркѣ Кралевичѣ, сказала Радивой:— Пусть его великій духъ оживитъ мое грустное сердце.

Роксаида взяла въ одну руку инструментъ, подобный гитарѣ, объ одной только струнѣ, а въ другую длинный смычокъ.

Щербина, во все это время несводившей глазъ съ Радивоя и его дочери, обратилъ теперь особенное вниманіе на этотъ инструментъ.

— Посмотримъ, думалъ онъ:—каково-то удастся тебѣ справиться съ этою кобзою. Бандура, не бандура; скрипка не скрипка! Эти Сербы хороши только, когда дойдеть дѣло до сабли или до кубка; но въ другихъ случаяхъ народъ безтолковый: хватаютъ на дорогѣ людей безъ всякой причины, играютъ въ молчанку, когда добрый человѣкъ добивается нутнаго отвѣту, крестятся похристіански, а обычаями тѣ же Турки, и смѣнише всего, хотятъ на одной струнѣ прилавлять своихъ предковъ! Такъ ли прославляютъ у насъ храбрыхъ

рыцарей? Когда пуститъ рокоть по тридцати струнамъ бандуры, кажется, будто души павшихъ въ бою козаковъ собрались вокругъ тебя роомъ и подняли говоръ, при стукѣ конной и звонѣ сабель.

Пока онъ такъ размышлялъ, Роксаида привела въ порядокъ свой инструментъ, оперла его на колѣно и сдѣлала длинную прелюдію, какъ бы обдумывая между-тѣмъ, что ей пѣть.

Никогда Запорожецъ не слыжалъ подобной музыки, однакожъ она была ему какъ-будто знакома. Она напомнила ему званія того вѣтру, который мчтся по степи, клубя в катя впередъ по дикимъ камышамъ и бурьяну струи пламени и потоки дыму; она напомнила ему крикъ дикихъ птицъ, летящихъ весною огромными стадами изъ-за Чернаго моря, напомнила зовъ голосовъ, перекликающихся в глухующихъ въ лѣсу. Такъ была она дика и вѣстѣ естественна.

Окончивши прелюдію, Роксаида сдѣлала

длинную паузу, послѣ которой начала пѣть, сопровождая вѣрными ударами смычка и окончивая каждый куплетъ длинными рудами.

Можетъ-быть, намъ не понравилась бы эта игра, намъ, доведшимъ музыку до такого многосложнаго хаоса, что непривычный слухъ терится въ немъ и не можетъ вполне обхватить падающихъ одна за другою многоструйныхъ волнъ музыкальнаго водопада. Но Запорожецъ, котораго слухъ образовался подъ напѣвъ малороссійскихъ народныхъ думъ, торжественныхъ и вмѣстѣ раздумныхъ, почувалъ въ пѣснѣ Роксанды что-то родное, и хотя ясно не понималъ ея содержанія, однакожъ въ немъ отозвались тѣ душевныя ощущенія, какія испытываетъ воинъ въ своей кровавой, мучительной и вмѣстѣ сладостной для него побѣдѣ.

Голосъ Роксанды натурально былъ тихъ и пѣженъ, но когда она выражала чувства горестныя или восторженныя, въ немъ слышался пронзительный крикъ орлицы,

летающей черезъ пустынные скалы, въ которыхъ много разъ на ея голосъ отзывается и вторится эхо.

На лицѣ Радивоя видно было глубокое чувство воина и патриота, съ какимъ онъ слушалъ пѣсню о герояхъ, составляющемъ для Сербовъ предметъ гордости и идеалъ воинскихъ добродѣтелей. Онъ глядѣлъ на Запорожца, какъ-будто хотѣлъ знать, дѣйствуютъ ли и на него въ равной степени музыка и слова Роксанды. Можетъ-быть, Радивой и завелъ его сюда съ тѣмъ, чтобъ похвалиться передъ нимъ своею дочерью и доставить ему случай услышать поэзію и музыку, вполне народную сербскую, безъ примѣси заимствованныхъ у чужестранцевъ инструментовъ; можетъ-быть, онъ хотѣлъ подѣлиться чувствомъ своего восторга съ Щербиною, котораго цѣнилъ выше всѣхъ своихъ подчиненныхъ за его оригинальный характеръ, необыкновенную храбрость и полное призрѣніе къ жизни. Но Запорожецъ наглядѣлся уже на Роксанду и освоился съ новостью ея напѣва и музыки, а не понимая вполне содержанія пѣсни, не могъ

долго слѣдить за нескончаемымъ ея куплетамъ и, отворотясь отъ пѣвицы, сталъ разсматривать убранство комнаты. Все въ ней занимало его, ибо комната была убрана роскошно и въ восточномъ вкусѣ; но одна вещь особенно привлекала къ себѣ его вниманіе. То была богато оправленная сабля, замѣчательной длины, съ орлиной головою на рукоятки. вмѣсто глазъ въ этой головѣ вѣдѣно было два рубина, осыпанные во-кругъ небольшими брилліантами.

Такая вещь иногда не была бы пропу-щена Запорожцемъ безъ вниманія, но те-перь взглядъ на эту саблю привелъ въ тре-петъ его сердце. Онъ вспомнилъ, что та-кая точно рукоятка была на саблѣ у Ми-хайла Чарнышѣнка. Тысяча мыслей пред-ставилась вдругъ его уму:

— Какимъ образомъ попалась сюда эта сабля? Еслибъ тѣло Михайла было найде-но, я зналъ бы объ этомъ. Да пусть бу-детъ и такъ; но съ какой же стати его саблѣ явиться во владѣніи дѣвушки, кото-рая вскусно владѣетъ смычкомъ, но такая

вещь ей не подь силу. А можетъ-быть, Михайло живъ? (Тутъ сердце его забилось еще сильнѣе.) Можетъ-быть, онъ спасенъ какимъ-нибудь чудомъ и теперь находится тутъ же недалеко гдѣ-нибудь.

Впрочемъ эта послѣдняя мысль только мимоходомъ заглянула ему въ голову и, встрѣти тамъ сильное противорѣчіе, тот-часъ удалилась.

— Нѣтъ, никакія силы не могли спасти его, думалъ Запорожецъ:— Онъ былъ весь израненъ, да и полетѣть въ такую бездну съ конемъ—плохая шутка!

И между-тѣмъ, не смотря на увѣрен-ность въ гибели Михайла, Запорожцу сильно хотѣлось осмотрѣть эту саблю. Если найдетъ онъ на ней буквы *М. Г.*, вензель полковника Максима Гладкаго, это несо-мнѣнное доказательство, что она принад-лежала Михайлу. Но какъ за это взяться? Можетъ-быть, Михайло, сверхъ чаянія, въ самомъ дѣлѣ живъ, и въ такомъ случаѣ опасно обратить на эту саблю вниманіе

Радивой. Это значило бы—спасти Михайла изъ пропасти и столкнуть въ другую.

Находясь въ такомъ недоумѣннн и затрудненнн, побуждаемый любопытствомъ и останавливаемый осторожностнн, Щербина не обращалъ вниманнн на Радивой, который давно уже слѣдилъ за его странными движенннми и старался разгадать, что значить этотъ безпокойный видъ Запорожца, что значить эти ужимки, потираннн рукъ, переступаннн съ ноги на ногу и косвенные взгляды въ уголь, подобные тѣмъ, какнне бросаетъ котъ на кусокъ говядины, выжидавая случая, чтобъ стянуть его украдкой со стола, когда поваръ засуетится около печки. Видя наконецъ, что Запорожецъ не сводитъ глазъ съ одного мѣста, Радивой всмотрѣлся пристальнне и, къ великому своему удивленнню, замѣтилъ саблю въ комнатѣ своей дочери!

—Что это за сабля? спросилъ онъ, прерывая вдругъ пѣсню Роксанды.

. Этотъ вопросъ, незначительный самъ по

себѣ, заставилъ Запорожца вздрогнуть и привелъ въ неизъяснимое смущеннн Роксанду. Взглянувъ на саблю, она вдругъ поблѣдннла, руки ея задрожали, и однострунная цитра вмѣстѣ со смычкомъ покати-лась на коверъ.

—Что это значить, море? вскрикнулъ Радивой вдругъ такимъ голосомъ, котораго никакъ женщина не могла бѣ слышать безъ трепету, и рука его машинально протянулась къ кинжалу.—Подай сюда эту саблю, сказалъ онъ Запорожцу.

Запорожецъ повиновался, и тѣмъ охотнне, что это доставило ему удобный случай взглянуть на надпись. Такъ! на этесъ съ одной стороны—буквы *М Г.*, а съ другой: *Славною року АХМИ освящено сіе оружннє на враговъ Православныя Церкви ево милостноу высокопреосвященнымъ Іосафатомъ, митрополитомъ коринѣскимъ.*

—Врагъ меня побори, если это не Михайлова сабля! воскликнулъ въ восторгъ Запорожецъ, не дочитавъ даже надписи и за-

быть отношенія Михаила къ Радивою.

—Михайлова! вскричалъ Радивой, вскочивши съ дивана и вырывая у него саблю:—Михайлова, гунсвотъ! Какого это Михайла, море?

Запорожець спохватился, но уже поздно. Нужно было или объясниться безъ обиняковъ, или принять на свою голову всю бурю Радивоева гнѣва, и Щербина не долго затруднялся въ выборѣ.

—Чорта съ два ты отъ меня добьешься толку, думалъ онъ, глядя очень равнодушно на бѣшеннаго Сербя, который самъ себя не помнилъ въ своемъ непостояствѣ.

—Говори, море! кричалъ онъ, приступая къ Запорожцу съ книжаломъ въ рукѣ:—Говори, гунсвотъ, или твоя душа тотчасъ увидать дьявола!

—Не надо лучшаго дьявола, какъ и ты, говорилъ себѣ мысленно Щербина, но все еще не зная, что отвѣчать Радивою.

—Роксанда! обратился Радивой къ своей дочери, видя, что Запорожець медлитъ отвѣтомъ:—Роксанда, скарай тебя Боже! чья это у тебя сабля? какого Михайла? Отвѣчай, если хочешь еще жить на свѣтѣ!

Но Роксанда, трепетная и блѣдная, едва дышала отъ испугу.

—Чого се такъ роскричався, пане отамане? сказалъ наконецъ Запорожець тѣмъ юморически-безпечнымъ тономъ, который такъ шелъ къ его беззаботному и шутивому характеру:—Чого се вже росходився, мовъ дикий конь на арканѣ?

—Гунсвотъ, море! кричалъ Радивой:—Што это за сабля? спрашиваю я тебя.

—Да постой же, Бога ради; дай собраться съ толкомъ. Говорить—не горохъ молотить. Ты думаешь, и всякъ потвоесму: что на языкъ взбрело, то и гукаешь на всю хату. Что за сабля. Развѣ не видишь? Сабля добрая, старосвѣтская; пришлась бы по рукѣ хоть и самому Морозенку, про ко-

того поють въ пѣснѣ:

Де вранде Морозѣно — провава рѣка...

—Щербино, море! грозно сказалъ Радивой:—Богомъ клянусь, что будешь ты безъ головы!

—Ну, такъ, что новость! отвѣчалъ Щербина, обнаживъ въ ту же минуту свою саблю:—Слыхали мы, пане отамане, про эту диковинку не разъ да и не два. Можетъ-быть, у васъ въ Сербіи это кого-нибудь удивило бѣ, а нашему брату Запорожцу всё равно, съ головою или безъ головы: гуляй, козацкая душа, напрапаю, пока есть люлька въ зубахъ, а сабля въ рукѣ! А ну, *господине мой бляй*, помѣраемся со мною, *море!* Посмотримъ, кто изъ васъ прежде увидится съ сатанюю, *бре!*

Казалось бы, въ отвѣтъ на это, Радивой долженъ былъ ринуться на Запорожца съ своею саблею и исторгнуть у него тайну, наступя на грудь; но вышло напро- тивъ. Гнѣвно сверкая кровавыми очами и

глухо бормоча какія-то слова, Радивой вложилъ въ ножны кинжалъ и отступилъ отъ Запорожца. Такъ черная туча, сказалъ бы поэтъ, налетаетъ на дикую скалу, потрясаетъ ее до основанія своимъ громомъ, мечетъ въ нее огненные стрѣлы, но все напрасно: спокойно стоитъ холодная твердыня, и, взнуравъ свою ярость, улетается туча, вспыхивая и зажигаясь всё слабѣе и слабѣе и долго еще гудя затихающимъ громомъ.

Что удержало Радивоя отъ боевой схватки съ Запорожцемъ, объяснить трудно; но во всякомъ случаѣ не увѣренность въ превосходствѣ силъ и храбрости противника. Можетъ-быть, онъ не хотѣлъ погубить Щербины, зная, какъ онъ въ послѣдствіи можетъ ему пригодиться; можетъ-быть, онъ надѣялся другими средствами проникнуть въ эту тайну, безъ большого шума и драки. Какъ бы то ни было, только, отошедши отъ Щербины, онъ обратился къ своей дочери и сказалъ довольно спокойнымъ голосомъ:

—Я вижу, Роксанда, что у тебя начинают заводиться какія-то шашни. Клянусь небомъ, которое у тебя надъ головою, и землею, которая у тебя подъ ногами! никогда паша не караѣт своей рабыни съ такою жестокостію, какъ покараю я тебя, если только ты не оправдишься! Чѣмъ больше люблю, тѣмъ грознѣе покараю! Теперь ты совсѣмъ безумная,—нѣчего съ тобою и говорить. Но если ты завтра не объяснишь мнѣ всего дѣла, горе душѣ твоей матери!

Съ этимъ словомъ онъ вышелъ изъ комнаты. Щербина послѣдовалъ за нимъ и, переступая порогъ, невольно оглянулся на Роксанду, которая въ сильной горести закрыла лицо руками и упала на подушку. Онъ съ досадою почувствовалъ, что сердце его сжалось отъ жалости; но привычка вѣчно дѣлать изъ себя юрода была въ немъ такъ сильна, что онъ всѣ движенія своей души выражалъ однимъ тономъ.

—Теперь, видно, и ты, моя панночко, узнаешь, по чѣмъ кбвиш лиха! думалъ онъ:

—А гърна, нѣчего сказать!... Да уже жъ постой! Мнѣ всегда какъ-будто что-то шептало на ухо, что Михайло не совсѣмъ еще пропалъ. Пусть только поможетъ мнѣ Господь отыскать его, то мы тебя не оставимъ на обѣдъ этому мазогѣ... А пара была бъ знатная!... Эхъ, потанцовалось бы добре на свадьбѣ у Михайла!

ГЛАВА XXV.

Радивой сѣлъ на подведеннаго ему коня, оттолкнулъ стремешемъ женщину, которая хотѣла поцѣловать ногу его платья, и по-скакалъ со двора. Запороженъ, вышедши за ворота, свиснулъ особеннымъ образомъ. На этотъ свистъ его вороной, не хуже сказочнаго Сивки-Бурки, въ ту жъ минуту сталъ передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Щербина, подтянулъ подпругу, вскоцилъ въ сѣдло, не касаясь стремени,

и помчался въ слѣдъ за Радивоемъ.

Молча ѣхали оба, думая каждый свое; но когда приблизились къ Михайлову мосту, Радивой взѣхалъ на мостъ, а Щербина остановился и сказалъ:

—Папе отамано! благодаримъ за хлѣбъ, за соль и за угощенію!

—Какъ это? сказалъ съ удивленіемъ Радивой, остановясь на мосту.

—Такъ, *господине мой благи*. Пора намъ распрощаться. Есть люди, которымъ голова моя нужнѣе, чѣмъ тебѣ.

—Бре, юначе! не сердись на меня; воротись, драгій побратиме. Клянусь тебѣ Богомъ истинымъ, што не хочу тебѣ чинити зла!

—Не помогутъ уже теперь ни *бре*, ни *море*, отвѣчалъ Щербина:—Было знать, какъ обходиться съ такими людьми, какъ я. А-то столкнулъ съ мосту моего Ми-

хайла, да еще и меня хотѣлъ въ слѣдъ за нами отправить. Прощай, пане отамано; не поминай недобрымъ словомъ.

—Михайла съ мосту! воскликнулъ Радивой, между тѣмъ какъ Щербина отъ него удалялся:—О Щербино, мое дѣсно крыло! постой, побро, постой одну минуту, разскажи мнѣ....

Но Запорожець исчезъ въ темнотѣ, какъ призракъ, и всѣ призывы Радивоя были напрасны.

Надобно впрочемъ сказать, что Щербина съ умысломъ притворился передъ Радивоемъ, будто затѣмъ только съ нимъ разстается, что не можетъ сносить жестокаго его характера. Этимъ средствомъ онъ хотѣлъ только закрыть передъ нимъ свое настоящее намѣреніе. Распрошавшись съ Радивоемъ, онъ остановился за кустомъ и, когда услышалъ, что Радивой поскакалъ далѣе, отыскилъ въ темнотѣ дорожку, ведущую къ домику Роксанды, и черезъ полчаса стоялъ уже у воротъ, стуча кольцомъ

со всею силой. Когда жъ на его стукъ отворилась половинна ворота и изъ-за нее высунулась чья-то голова, вѣроятно, съ намѣреніемъ задать ему вопросъ, Щербина безъ дальнихъ объясненій соскочилъ съ коня, втокнулъ ее обратно въ дворъ и, прежде чѣмъ она опомнилась отъ изумленія и испугу, былъ уже въ комнатѣ Роксанды.

—Ясная панпочко! сказалъ онъ, подступая къ ней съ большою ловкостью, которую онъ перенялъ у польскихъ шляхтичей:—не бойсь, *море!* по милости запорожскаго льщара Щербинны, будешь еще долго жить на свѣтѣ и сводить съ ума добрыхъ людей; скажи только мнѣ, гдѣ Михайло?

Роксанда сперва испугалась, увидя вдругъ передъ собою не слишкомъ нѣжную образину Запорожца съ парюю толстыхъ усовъ и длиннымъ оселедцемъ, но скоро оправилась, не столько по воспоминанію о томъ, какъ онъ отвѣчалъ на допросъ Радивоя, сколько по внутреннему чувству, которое въ тревожномъ состояніи души съ удивив-

тельною вѣрностью указываетъ намъ пріятеля и недруга.

—Господице мой благіи! сказала она:— Я чувствую, что ты не хочешь меня погубить...

—Правда! прервалъ ее съ восторгомъ Запорожець:—Вотъ правда, такъ такъ! Вотъ это значитъ—знать Запорожца Щербину такимъ, какъ онъ есть! Такъ уже жъ если такъ, моя ласяя панночка, то и я тебѣ скажу отъ широго сердца, что скорѣй голову свою положу на мѣстѣ, чѣмъ допущу кого-нибудь, —хоть бы то былъ самъ Люцперъ,—коснуться волоска твоего! Вижу я, что тебѣ ни милости, ни пощады отъ твоего отца не ждать. Пропадешь, голу-бонышко моя, и ты, пропадетъ и Михайло! И никто о васъ не будетъ жалѣть больше меня. Но, *гусвоць, море!* какъ говорить твой панотець,—если у васъ обонхъ есть въ головѣ толку хоть столько, сколько у жареной курицы, то слушайте съчовка Щербины. Не будь я запорожскій лыцарь, если онъ не проведетъ васъ на съчовья

земли такъ, что и сова не будетъ знать, не только люди!

—Господице мой ласкавыи, господице мой честытій! говорила Роксанда:—что жъ повелишь ты мнѣ дѣлать?

—А вотъ что, дитя мое коханое, вотъ что, маленькій ты мой *гусвоцькы*, говорилъ Запорожець, которому ничто не было пріятнѣе, какъ заняться чужими дѣлами въ видѣ опекуна:—Веди меня прежде всего къ Михайлу, а потомъ—пусть врагъ возьметъ мою душу, если я не пристрою васъ въ своемъ зимовникѣ, какъ собственныхъ дѣтей своихъ!

Роксанда позвала двухъ служанокъ, велѣла собраться въ дорогу и взять чопарь. Запорожець между-тѣмъ поднялъ съ полу Михайлову саблю и прицѣпилъ себѣ съ правой стороны, боясь оставить здѣсь столь нужную для Михайла на всякій случай вещь, и потомъ всѣ четверо вышли со двора. Роксанда приказала оставшимся женщинамъ

запереть ворота и не отпирать никому до ее возвращения.

Запорожец съ великимъ нетерпѣніемъ ожидалъ свиданія съ Михайломъ. Онъ дѣлалъ такіе широкіе шаги, какіе только позволяли ему безчисленныя складки широкихъ его шароваръ, и, безпрестанно опережая своихъ спутницъ, снова возвращался къ нимъ и спрашивалъ идти скорѣе.

Черезъ нѣсколько минутъ услышали они шумъ ручья, который онъ такъ много разъ напрасно проклиналъ за Михайла, и когда вся группа подошла къ берегу и свѣтъ фонаря палъ на воду, Запорожецъ увидѣлъ, что переправа въ этомъ мѣстѣ рѣшительно невозможна. Правда, берега были здѣсь гораздо ниже, чѣмъ у Михайлова мосту, и ширина была не болѣе сажени, ибо двѣ огромныя каменныя глыбы, высунувшіяся на поверхность, вѣроятно, изъ подземной каменной цѣпи, лежали у обохъ береговъ одна напротивъ другой; но зато эти глыбы такъ сжали воду, что она, поднявшись почти въ уровень съ ними и потомъ про-

равшись сквозь тѣсное ущеліе, образовала родъ каскада, косвенно низвергающагося внизъ съ ревомъ и пѣною.

—Ну, что жъ теперь будемъ дѣлать? сказалъ Щербина своимъ спутницамъ:— Пожалуй, я-то перескочу на другой камень, но за васъ не ручаюсь.— А, вотъ это дѣло! прибавилъ онъ, увидѣвши, что двѣ служанки вытащили изъ куста доску:—Но стойте жъ, голубочки, дайте лишь сюда. Сдается мнѣ, что я немножко умнѣй вашихъ круглыхъ головокъ и съумѣю сдѣлать это лучше, чѣмъ кто-нибудь другой.

Потомъ положивъ доску съ камня на камень и, перешедши сперва самъ, просилъ Роксанду не бояться и идти смѣло, впрочемъ увидѣлъ, что его ободреніе было напрасно: она вступила на узкую доску такъ легко и свободно, какъ-будто шла по коврамъ въ своей комнатѣ.

—Бравая дѣвка! сказалъ Запорожецъ, щелкнувши пальцемъ у себя надъ головою:—годится быть жинкою моему Михайлу!

Еслибъ эту переправу видѣлъ живописецъ, она доставила бь ему прекрасный сюжетъ для картинны во вкусъ Рембрандта. Межъ двухъ огромныхъ камней съ страшною силою прорывается вода, повергая внизъ съ каждымъ мгновениемъ цѣлые пучки блестящихъ хрустальныхъ дугъ, раздробля ихъ въ черной глубинѣ и превращая въ матовую пѣну. На одномъ камнѣ—двѣ темныя женскія фигуры, ярко тронутыя близкимъ свѣтомъ фонаря; на другомъ—мужественная, широкая и великолѣпная фигура Щербини, котораго можно бы принять за лѣснаго бога, переодѣвагося въ Запорожца; и къ нему, какъ будто въ жертву, черезъ кипящую пропасть, по узкой доскѣ, идетъ существо такой красоты, какую воображеніе народное любитъ поселять только въ лѣсахъ и при источникахъ. Между-тѣмъ теплый свѣтъ фонаря, слабо озаряя сверху нагнувшіяся съ обѣихъ сторонъ надъ потокомъ вѣтви деревъ, сверкая тысячами искръ въ струяхъ воды и теряясь въ темнотѣ лѣса, разливалъ на всю картину удивительно согласное золотистое освѣщеніе.

Перешедши ручей, пошли дагѣ по межъ густыми деревьями. Служанка закрыла фонарь, и Роксанда просила Запорожца идти молча, ибо они были недалеко отъ зѣмка Радивоева. На пути своемъ они слышали нѣсколько разъ въ лѣсу чей-то сигнальный свистъ, на который въ другой сторонѣ отвѣчали такимъ же тономъ; что очень удивляло Запорожца и приводило въ трепетъ женщинъ. Наконецъ свиснуло такъ недалеко отъ нихъ, что всѣ вздрогнули, и Щербинѣ великаго труда стоило принудить себя къ молчанію. Одна мысль о Михайлѣ и опасность, какой онъ могъ бы подвергнуть своихъ спутницъ, удержалъ его отъ объясненія съ этими таинственными свистками, которыхъ ни Роксанда, ни Запорожецъ никогда не слышали прежде въ окрестностяхъ Радивоева зѣмка.

Опасаясь на каждомъ шагу наткнуться на непріятную встрѣчу, они шли все дагѣ и наконецъ очутились въ небольшомъ байракѣ, такъ густо обсаженномъ деревьями, что сквозь наклонившіяся надъ нимъ вѣтви едва видно было мѣстамъ звѣздное небо. Тутъ начали они, одно за другимъ,

пробираться кустами, пока достигли другого края байрака. Служанки сняли съ покатоности большіе дерновые пласты, и потомъ всѣ вошли въ небольшую дверь, которую снова заперли за собою.

При свѣтѣ фонаря Запорожецъ долго еще шелъ за своими спутниками по узкому коридору съ кирпичнымъ сводомъ. Наконецъ остановились въ небольшой комнатѣ, похожей на монашескую келью и въ которой онъ увидѣлъ столовую посуду и другія вещи, доказывавшія, что это мѣсто обитаемо.

Роксанда просила Запорожца обождать въ этой комнатѣ, а сама вошла въ другую. Запорожецъ сталъ подъ дверью и прислушивался съ трепетаніемъ сердца, не услышитъ ли голосу Михайла. Но слышался только голосъ Роксанды.

—О мой Боже, мой Боже милый! говорила она:— до чего доведетъ меня судьба, до чего доведетъ меня собственное мое безуміе? Умомъ вижу одно, а дѣлаю другое, дѣлаю и сама не знаю, что дѣлаю!...

Какъ-будто свѣтъ моимъ очамъ закрыть съ того несчастнаго вечера, какъ я тебя увидѣла, мой милый, мой любимый, мой безцѣнный!

—Ага! *оттака ловись!* сказалъ тихо Запорожецъ:—Пошло, видно, дѣло на ладъ!

—Не тоскуй, Роксанда, послышался другой голосъ:—у меня сердце болитъ, когда подумаю, что я причиною твоего несчастія.

—Браво! чуть не вскрикнулъ Запорожецъ:—есть и Михайло! Но послушаемъ, какія глупости скажутъ они еще одинъ другому.

—Нѣтъ, ты не причиною Михайло, говорила Роксанда:—Развѣ я несчастна? Развѣ камень можетъ быть счастливъ? А я была не что, какъ камень, пока тебя не знала! Съ того времени я переродилась. О, пріятно для тебя страдать, весело для тебя и умереть, Михайло!

Запорожецъ смѣялся отъ всей души, стоя

подъ дверью, но въ тоже время ощутилъ въ душѣ своей и какое-то нѣжное чувство.

—Ахъ, ты птичка моя пустынная, *гун-свотикъ* ты мой хорошенькій, *море* ты мое маленькое! говорилъ онъ, относя всѣ эти нѣжности къ Роксандѣ.

—Но ты никогда не перестанешь меня любить? говорила Роксанда.

—Никогда, Роксанда, отвѣчалъ голосъ Михайла.

—И другой никогда не полюбишь?

—О, нѣтъ, Роксанда, никогда!

—А если полюбишь?... Ахъ, лучше прежде убей меня, задуши сонную, чтобы я ничего не знала!

—Ну, стѣбитъ ли теперь тарбарить о такихъ пустякахъ? сказалъ Запорожецъ и хотѣлъ было безъ дальней церемоніи войти къ Михайлу, но увидѣлъ, что дверь съ

другой стороны была заперта.

Между-тѣмъ снова послышался голосъ Роксанды:

—Я вчера отклонила тебя, Михайло, отъ намѣренія ѣхать такъ скоро отсюда, а теперь сама пришла просить тебя объ этомъ. Отецъ мой узналъ, что ты здѣсь. Горе намъ обоимъ, если не спасемся!... Когдабъ ты не былъ въ такой опасности, можетъ-быть, я меньше бы тебя любила. Но чѣмъ больше грозила тебѣ бѣда, тѣмъ дороже ты для меня становился, и теперь я готова бѣ отдать сто жизней за мплій твой взглядъ, за одно твое слово, за одно твоо желаніе! Съ тобой не страшна мигъ никакая доля! Ыдемъ отсюда, мплій другъ, ѣдемъ, куда очи глядятъ, лишь бы съ тобою, ахъ, лишь бы съ тобою!

Тутъ Запорожецъ уже не вытерпѣлъ.

—А что жъ это? закричалъ онъ сквозь дверь:—меня вамъ уже и не нужно? Объ этомъ вы должны просить совѣту у сѣчо-
8.

вика Щербинны, а безъ него вы чорта съ два что сдѣлаете! Пожалуй, вы пробалагури́те такъ цѣлую ночь и зайдете къ сатанѣ въ зубы. Отворите лишь, а-то, ей Богу, высажу двери!

—Кто это? Это панъ Щербина? послышался голосъ Михайла.

—Конечно, Щербина, кричалъ Запорожець:—Ты думаешь и всѣ такъ прячутся отъ своихъ пріятелей, какъ ты. Отвори, а-то, ей Богу, не дождусь и испорчу двери; а штука хоть не дорогая, да нужная: сгодится еще какому-нибудь пустышнику, который бросится съ мосту въ воду, чтобъ поймать *маленькаго іисусотика*.

Эту фразу Запорожець договорилъ уже въ другой комнатѣ и бросился обнимать Михайла.

—Чудно на свѣтѣ стало! говорилъ онъ:—не разберешь, гдѣ человекъ, гдѣ рыба! Врагъ побори мою душу, если я думалъ тебя увидѣть послѣ того, какъ ты юркнулъ

подъ мостъ! Ну, братъ, рубился ты знатно! да и плаваешь, видно, не худо. Вотъ за это люблю козака! Это значитъ—знай нашихъ!

И, не заботясь объ отвѣтѣ Михайла, онъ опять принялся его обнимать и цѣловать.

Читатель однакожь хмуритъ брови, видя, что я мало держусь повѣствовательнаго порядка и до сихъ поръ не объяснилъ еще, какимъ образомъ Михайло спасся отъ смерти. А потому считаю долгомъ остановиться и пополнить свой пропускъ.

ГЛАВА XXVI.

Сражаясь на мосту, при встрѣчѣ съ красивыми жупанами, Михайло въ своемъ жару не подумалъ самъ, что дѣлаетъ, и его отчаянная защита, его ярость и изступленіе были не что иное, какъ изліаніе внутренней бурн, терзавшей его сердце. Онъ даже не замѣтилъ и того, какъ опрокинулся въ бездну. Ему показалось, что онъ получилъ уже смертельный ударъ и передъ нимъ разверзлась безконечная вѣчность.

Въ слѣдъ за этой быстрой мыслию, чувства его оставили; онъ не слышалъ своего паденія.

Скоро однакожь холодъ воды заставилъ его очнуться. Глядитъ: по сторонамъ его высокія стѣны, одѣтыя кустами дикой зелени, которую мѣстами прорывали дикіе камни; надъ головой его темные своды старыхъ деревьевъ, обнявшихъ съ противоположныхъ береговъ надъ потокомъ, какъ вѣрные друзья, которыхъ напрасно дѣлать невзгода жизни.

Вода шумитъ. Однообразное эхо ея ропоту, сжимаясь въ тѣсной и густой аллеѣ, перегнувшейся черезъ ложбину, раздается звучно. Онъ быстро несется по кипящимъ струямъ... но куда? какъ онъ попалъ въ эту живописную, но ужасную пещеру? умъ его не въ состояніи постигнуть этого.

Вдругъ мысль о смерти мелькнула въ головѣ его, и, покоряясь ей, онъ пересталъ силиться истолковать себѣ настоящее свое положеніе. Онъ счелъ себя умершимъ и

предался бѣгу воды безъ попытокъ на сопротивленіе.

Одна рука его еще держала крѣпко рукоять сабли, другая застыла около длиннаго обломка перилъ, схваченнаго имъ въ слѣпомъ вѣстникѣ послѣ паденія; но онъ не чувствовалъ ни рукъ, ни ногъ своихъ. Истощеніе крови, текшей изъ ранъ его, затмивало всѣ его чувствованія и способности. Онъ скоро готовъ былъ упасть опять въ смертельный обморокъ, и можетъ-быть, завѣкъ.

Его несло. Ропотъ потока напѣвалъ ему похоронную пѣсню; зеленый сводъ деревъ склонялся надъ нимъ могильнымъ склепомъ; мракъ окружалъ его. И потомъ опять разступались темныя вѣтви, ясное вечернее небо свѣтило ему какъ-бы съ другаго свѣту, и соловей, какъ-будто для контрасту горькой его судьбинѣ, пѣлъ весело надъ нимъ любовь и радость.

Вдругъ два огромные камня, высушувшіеся порогами со дна потока, остановили

жердь, которой онъ не выпускалъ изъ руки. Вода, прорываясь сквозь нѣтъспину съ усиленною быстротою, ревѣла звѣромъ, кипя бросала свою пѣну на нѣтъ высокое томъ и, нпзвергаясь внизъ надутую покатостью, разсыпалась бѣлыми клубами пѣны и мчалась далѣе.

Михайло качался надъ этой рыкающей бездною, какъ безжизненный трутъ, то погружаясь внизъ, то всплывая на самую гряду стремительнаго стока и чертя саблею по камню.

Смерть его была недалеко. Она, стоя на камнѣ, какъ-будто любовалась своею жертвою, заглядывая ей въ очи. Уже въ немъ готова была погаснуть послѣдняя искра жизни, готово было уснуть послѣднее ощущение бытія. Но въ эту самую минуту чей-то громкій, пронзительный крикъ: *Боже мой!* потрясъ все существо его.

Этотъ крикъ, въ которомъ слышалось живое сердце, внезапно пронзенное острымъ чувствомъ тоски и состраданія, какъ элек-

трическій токъ, прошель по его замѣвавшимъ органамъ и возвратилъ имъ движеніе жизни.

Онъ взглянулъ, — нѣтъ, это не смерть стоять на его гробовомъ камнѣ, готовая выплыть вставающую его душу! Это скорый богиня жизни, способная однимъ прикосновеніемъ пробудить бытіе въ оледенѣвшемъ трупѣ!

Передъ нимъ на широкомъ камнѣ стояла женщина въ томъ ослѣпительномъ блескѣ изящныхъ формъ, котораго юноша не можетъ видѣть безъ нѣкотораго опьянѣнія, близкаго къ обмороку, и Михайло такъ пораженъ былъ ея красотою, что принялъ ее за явленіе сверхъестественное. — Это русалка, думалъ онъ.

Но это была не русалка. Проникнутая вся состраданіемъ, забывая свой естественный стыдъ, она глядѣла на окровавленнаго юношу, качаемаго въ смертной колыбели. Ея руки сжались тоскою; ея глаза горѣли огнемъ души, взволнованной чув-

ствомъ собогѣзнанія, которое въ женщинѣ, при нѣкоторыхъ случаяхъ, доходитъ до изступленія. Она вливалась своимъ взоромъ ему въ очи, какъ-бы хотѣла убѣдиться, есть ли еще въ немъ жизнь. Опасаясь съ каждымъ мгновеніемъ, чтобъ быстрота воды не унесла его въ кипящую подъ ними бездну, она своими острыми взглядами будто хотѣла приковать его на одномъ мѣстѣ. Дрожа, задыхаясь, она могла только вскрикнуть дикимъ, пронзительнымъ голосомъ:

— Боже мой!

На этотъ расторгающій сердце крикъ сбѣжалось еще нѣсколько женщинъ, купавшихся невдалекѣ за камнемъ, въ залпѣ, обогнутомъ высокою стѣною берега. Но Михайло послѣ мнунтнаго своего пробужденія, снова впалъ въ забытіе и уже больше не чувствовалъ, что съ нимъ дѣлали.

Очнувшись онъ увидѣлъ себя въ небольшой комнатѣ лежащимъ на мягкой постели. Подлѣ него на столѣ стояла лампада.

Стѣны были обтлупты какою-то матеріей въ цвѣтахъ; полъ весь покрытъ узорчатымъ азійскою работы ковромъ; мебель состояла изъ одного низенькаго дивана, стоявшаго напротивъ его постели.

Михайло все это представилось будто во снѣ. Голова его была такъ тяжела, что онъ не могъ связать въ умѣ своемъ двухъ мыслей. Какія-то темныя воспоминанія мѣшались въ его памяти, какое-то болѣзненное чувство тоски тяготило еще его душу. Онъ чувствовалъ во всемъ тѣлѣ сильную боль, происходившую отъ ранъ его, и вмѣстѣ съ тѣмъ палачій жаръ проходилъ по его жиламъ.

Онъ сдѣлалъ успію, чтобъ приподняться, но члены отказались ему служить, и онъ остался неподвиженъ, какъ прикованный. Въ слѣдъ за тѣмъ смертною безпамятство снова обняло его чувства.

Такъ пробуждался и замрзалъ онъ нѣсколько разъ, но зналъ самъ, какъ долги были промежутки его безпамятства; вь вся-

кой разъ его глазамъ представлялась та же полутемная комната, и ни одинъ звукъ не нарушалъ мертвой тишины, царствовавшей вокругъ таинственной его спальни, такъ что Михайло могъ считать себя глухимъ или очарованнымъ.

Однажды, послѣ тяжелой забывчивости, открывъ онъ очи и видѣть: надъ нимъ склонилась какая-то женщина и тихо пере-вязываетъ ему раны. Ея нарядъ былъ богатъ до пышности и вмѣлъ въ себя что-то азійское. При всемъ разстройствѣ головы своей, Михайло тотчасъ угадалъ въ ней ту русалку, которая явилась ему на потокѣ. Онъ сплился говорить, — напрасно; ни одинъ звукъ не вырвался изъ его горячихъ усть.

Замѣтивъ, что онъ очнулся, прекрасная незнакомка приложила палецъ къ своимъ губамъ, давая знать, чтобъ онъ молчалъ, и тотчасъ удалилась неслышными шагами.

Въ другой разъ онъ увидѣлъ ее сидящею у его изголовья. Склонясь на подушку, она поправляла свою бѣлую, какъ снѣгъ,

рукою его густые темнорусые волосы. Она смотрѣла на него съ чувствомъ участія, и въ ея взорахъ отражалось удовольствіе, производимое въ ней пріятельною на-ружностью юноши, которой блѣдность при-дала еще больше прелести.

На этотъ разъ она не оставила уже такъ скоро его постели. Она прямо смотрѣла ему въ глаза, и Михайлу казалось, что въ ея очахъ онъ будто черпаетъ новую жизнь, получаетъ новую душу отъ ея души. Взоръ его оживился, слабій румянецъ прошепъ по лицу его. Незнакомка слегка усмѣхну-лась и тихо вышла изъ комнаты.

Съ того времени тѣмья свиданія уста-новились между ними регулярно. Михайло привыкъ просыпаясь встрѣчать эти прелестныя очи, эти уста, которымъ ничего подобнаго онъ прежде вообразить не могъ. Онъ радовался, что вмѣстѣ съ возвращающеюся мало-помалу жизнію въ немъ воз-растаетъ чувство, подавляющее въ его ду-шѣ тяжкія воспоминанія. Онъ предавался этому чувству вполне, старалась въ немъ

одномъ потопить свою душу. Онъ утѣрялъ себя, что это сладостное ощущеніе, кото-рое теперь заставляетъ его забывать все на свѣтѣ, продолжится вѣчно, и никогда онъ не воротится въ тотъ адъ, изъ кото-раго избавила его сильная и продолжитель-ная болѣзнь, при помощи новыхъ ощущеній.

Кто изобразить душу человѣческую? Она разнообразна и измѣнчива до безконечно-сти. Михайло, волнуемый прежде столько-ми надеждами, терзаемый потомъ тоскою, угрызеніемъ совѣсти и отчаяніемъ, теперь забылъ все. Онъ ослѣпѣлъ отъ этихъ все-могущихъ изоревъ; онъ безумно предалъ всѣ свои чувства и мысли вспыхнувшему въ немъ пламени любви; и ни разъ не пришло ему на мысль, есть ли еще что въ мірѣ, кромѣ его и этихъ чародѣйскихъ, пламенныхъ очей?

Но каковы были чувства незнакомки, естественно можно отгадать. Она спасла его отъ гибели безчувственного, полу-мертвораго; она слѣдила за возвратомъ его жизни, лелѣла и убаюкивала его, какъ свое

дети; кормила изъ своихъ рукъ, ухаживала за нимъ; пробудила въ немъ душу, вдохнуть въ нее въ то же время самую пылкую любовь. Она это видѣла и не могла не любить Михайла. Ей какъ-будто сама судьба послала то, чѣмъ давно были полны ея сны и мечтанія. Она смотрѣла на него какъ на свое твореніе, считала его принадлежащимъ себѣ навѣки и въ простотѣ своей невинности предалась, безъ всякихъ размышленій, естественной склонности. Она оставалась у его изголовья по цѣлымъ днямъ, говорила съ нимъ взорами, но по чувству женской скромности, не смѣла первая обратиться къ нему рѣчь, не могла придумать, что ему сказать, кромѣ того, что его любить.

Однажды Михайло, дремя въ пріятныхъ полусонныхъ грезахъ, вдругъ почувствовалъ на губахъ своихъ легкій бархатный поцѣлуй. Движеніемъ быстрого инстинкта, онъ вдругъ поднялъ руки и обнялъ ими шею, которой позавидовала бы сама Венера Медичьса.

Незнакомка вскрикнула, пойманная такъ неожиданно въ своемъ тайномъ наслажденіи, и сдѣлала успіе освободиться.

—Итъ, я не пущу тебя, проговорилъ Михайло и замкнулъ ея уста новымъ поцѣлуемъ.

Будучи по въ силахъ сопротивляться, пропикнутая электрическимъ огнемъ, она упала къ нему на грудь въ забвеніи. Уста ихъ слились надолго, и казалось, ихъ души въ это время составили одну.

Но различныя слѣдствія произошли въ каждомъ изъ нихъ, когда произошла эта забывчивость. Михайло почувствовалъ сильный приливъ здоровья и какая-то тихая радость наполнила его душу. Зато лицо его русалки покрылось блѣдностью. Въ ней сердце ждалось неизвѣстнымъ ей дотоле чувствомъ. Склоня лицо въ подушки, она заплакала. Потомъ поднялась и, отирая слезы, сказала Михайлу, стараясь придать твердость своему дрожащему голосу:

—Кто бы ты ни былъ, но если ты христіанинъ, ты не заплатишь зломъ за мое добро. Удались отсюда, забудь, что ты меня видѣлъ; не спрашивай ни у кого, кто живетъ въ этихъ мѣстахъ; поклянись, что никогда не скажешь никому объ этомъ несчастномъ поцѣлуѣ; поклянись, что никогда не насмѣешься надъ слабостію женщины!

—У меня нѣтъ ни матери, ни отца, ни родины, ни пріятелей, отвѣчалъ Михайло: —у меня есть только горячее сердце; и если ты сама меня не оставишь, клянусь вѣчно быть твоимъ рабомъ, отдаю себя въ полную твою волю, дѣлай пзъ меня, что хочешь! Одно мнѣ счастье,—не разлучаться съ тобою никогда!

—Ты клянешься? возразила незнакомка: —но понимаешь ли ты самъ свою клятву? Не считай женщины безсильнымъ твореніемъ, которое ты можешь приласкать и оттолкнуть, когда вздумается. Знай, что рука моя владѣетъ кинжаломъ и ружье мое не знаетъ промаху!

—Пускай въ рукѣ твоей будетъ громъ и молнія, и тогда я общаю тебѣ вѣчную, неизмѣнную вѣрность! Но кто ты? скажи мнѣ. Какъ мнѣ называть тебя? На языкѣ человѣческомъ нѣтъ имени, достойнаго тебя!

—Ты клянешься? ты клянешься? говорила русалка, вперя въ него свой острый взоръ.

—Тысячу разъ клянусь Богомъ и людьми, клянусь небомъ и землею! отвѣчалъ Михайло:—и въ доказательство цѣлую крестъ покойной моей матери. Большой у меня присяга нѣтъ!

Онъ снялъ и поцѣловагъ испѣвшій у него на шеѣ золотой крестикъ. Незнакомка сама обняла тогда Михайла и прижала къ сердцу, и снова долгій поцѣлуй слыгъ ихъ дыханіе.

—Имя мое—Роксанда, говорила она:—Я родилась не здѣсь; отечество мое далеко. Уже пять лѣтъ я не видала его. Я дочь сербскаго бана, или *кнеза*, Радивоя.

Предки наши были славны, владѣли цѣлою Сербіей; но отцу моему досталась въ удѣлъ одна только область. Певѣрныя все отняли. Какія горы тамъ, еслибъ ты видѣлъ! какой у насъ дворецъ былъ! Теперь все не то. Даже отецъ мой, переѣхавши въ эту ровную сторону, перемѣнился. Онъ не столько уже, какъ прежде, меня любитъ. Онъ такъ огорченъ судьбою, что не можетъ любить даже своей дочери. Рѣдко я съ нимъ вижу, и то на одну минуту и почти молча.

—Зачѣмъ же онъ оставилъ свою область? спросилъ Михайло.

—Враги отняли, отвѣчала Роксанда:— Онъ замышлялъ воевать противъ невѣрныхъ, хотѣлъ отнять у Турокъ всю Сербію; но одинъ повѣренный его жидъ Лютица, на котораго онъ много полагался, измѣнилъ ему, увѣдомилъ враговъ; всѣ планы моего отца разрушились. Враги все у насъ отняли; не могли отнять только вѣрныхъ слугъ. Нѣсколько десятковъ храбрыхъ юнаковъ сказали моему отцу: «Не поки-

немъ тебя, ясный баче, до вѣку», и вышли съ нами въ Русскую землю. Мы долго жили около Буга, потомъ переселились каждый годъ все дальше, и вотъ это мѣсто на сплу наконецъ пришлось по праву моему отцу, который не любитъ вашей стороны за то, что въ ней нѣтъ горъ. Тутъ недалеко за лѣсомъ онъ живетъ въ большомъ замкѣ со своими юнаками. Но скажи мнѣ, ради Юга, чѣмъ ты огорчилъ его? за что онъ хотѣлъ схватить тебя?

—Когда?

—На мосту.

—Такъ это я съ его людьми имѣлъ дѣло?

—Да, это было по его приказанію. Вспомни, не имѣлъ ли ты съ нимъ гдѣ-нибудь неприятели?

—Я въ первый разъ слышу его имя.

—И однакожъ онъ посылалъ преслѣдо-

вать тебя съ самаго выѣзда твоего изъ Глухова и чуть не казнилъ смертью одного чауша за то, что не доставилъ тебя ему живаго. Ахъ, страшно подумать!... Боже мой! еслибъ онъ все узналъ! Когда ты выздоровѣешь, уѣдь отсюда какъ можно скорѣй, какъ можно подальше. Ничто не спасеть тебя отъ гнѣва моего отца, если ты попадешься ему въ руки!

—Я все сдѣлаю, что ты мнѣ велпшь, потому что я ничего не могу ни думать ни дѣлать безъ тебя. У меня нѣтъ своей души. Ты моя душа, которая меня живишь, наполняешь всѣ мои чувства своимъ образомъ и движешь всѣми моими помыслами. Я даже ничего не помню, что было со мною до сей поры. Мнѣ кажется, что я, со дня моего рожденія, ничего больше и не видѣлъ, кромѣ твоихъ чудныхъ очей. Да и самъ я не отъ твоихъ ли очей произошелъ?...

—Другъ мой, ты бредишь, ты не со-всѣмъ еще оправился послѣ горлячки. Я говорю тебѣ, что ты долженъ будешь

уѣхать отсюда, какъ только выздоровѣешь.

—А ты, Роксанда?

—Я я? Ахъ, я не знаю, что со мною будетъ! Пока ты здѣсь, я ни о чемъ не могу думать; мнѣ кажется, что мнѣ нѣчего больше и желать; а между-тѣмъ еслибъ ты зналъ, что дѣлается въ моей душѣ!

Въ такомъ забвеніи о самихъ себѣ, въ такомъ упоеніи и мукахъ любви утопали эти два простосердочныя, отроженныя отъ міра существа, которымъ не доставало только нѣкътъ незнаемаго лѣсу, чтобъ быть такъ же счастливыми, какъ счастливы олень при источникахъ водныхъ, какъ счастлива была первая чета людей посреди тихихъ роцъ Эдема.

Мысли Михайла постоянно были заняты Роксандою; весь остальной міръ для него изчезъ. Но эта любовь имѣла жалкое основаніе. Это былъ бредъ молодой головы, поколебавшейся отъ спяльнаго напора тяжелыхъ думъ, которыхъ она не въ состояніи

была преодолѣть: это было неправильное дѣйствіе сбитыхъ съ основанія и перемѣнанныхъ чувствъ, которыя послѣ тяжелаго, изнурительнаго, недуга устремились теперь на первую пищу съ пылкостью, погасившею свѣтильникъ разсудка; это была не истинная любовь, а болѣзнь сердца и бѣдственный припадокъ заблудшагося ума.

Роксанда, родившись въ такой странѣ, гдѣ получить рану—дѣло самое обыкновенное, съ дѣтства научилась употребленію цѣлительныхъ травъ и теперь воспользовалась своими знаніями съ полнымъ успѣхомъ. Михайло началъ быстро выздоравливать, такъ что черезъ три недѣли послѣ приключенія на мосту, былъ уже въ состояніи снова сѣсть на коня и владѣть оружіемъ. А потому, когда Щербана предложилъ ему ѣхать на Запорожье въ ту же ночь вмѣстѣ съ Роксандою, онъ согласился на это съ великимъ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что ему сильно хотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ и развернуться на большемъ пространствѣ, чѣмъ его келья.

Запорожецъ торжественно вручилъ ему саблю, помогъ одѣться и вооружиться, и потомъ всѣ вышли изъ подземелья, закрывши снова фонарь.

къ собѣ на помощь своихъ юнаковъ.

—Михайло! бѣги скорѣй: это разбойники напали на моего отца! вскричала Роксанда, забывши отношенія Михайла къ Радивою.

—Врагъ меня побери, воскликнулъ Запорожець:—если мы съ тобой не разметаемъ ихъ, какъ полову! Фонарь! дай сюда фонарь!

—Ахъ, Михайло! постой! кричала опомнившись Роксанда:—постой, не губи себя!

Но Михайло и Запорожець были уже далеко. Скоро они достигли мѣста битвы, и Щербина, поднявъ фонарь и осветивъ сражающихся, вскрикнулъ въ своемъ воинственномъ восторгѣ, увидя, что Радивой одинъ вращается на всѣ стороны и обороняется отъ шести человѣкъ, обступившихъ его съ саблями. Выхватя изъ-за пояса пистолеть, Запорожець повалилъ одного изъ нихъ и потомъ, поднявши съ умысломъ сильный крикъ, онъ бросился вмѣстѣ съ Михайломъ

ГЛАВА XXVII.

Подходя къ потоку, они вдругъ были встревожены двумя выстрѣлами, послѣдовавшими одинъ за другимъ не слишкомъ далеко отъ нихъ въ лѣсу, и въ слѣдъ за тѣмъ послышался смѣшанный крикъ многихъ голосовъ и звонъ сабель. Щербина и Роксанда, къ великому своему удивленію, различили межъ этимъ шумомъ голосъ Радивоя, который кричалъ громче всѣхъ своимъ *суксвомъ!* *море!* *я здоровъ!* и призывалъ

на толпу, держа въ одной рукѣ фонарь, а въ другой саблю. При появленіи этой неожиданной помощи, всѣ противники исчезли вдругъ, какъ злю духи. Остался только сваленный выстрѣломъ Запорожца и еще одинъ, сраженный прежде самимъ Радивосемъ.

Радивой въ восторгѣ обнялъ Запорожца.

—Постой, пане отамане, сказалъ Щербина:—не мнѣ за это благодарить. Вотъ кто спасъ тебѣ жизнь.

Онъ указалъ на Михайла.

—Кто жъ это, море?

—Это человекъ, бре, на котораго ты давно остришь зубы; но врагъ меня побери, если я дамъ тебѣ дотронуться до волоска его! сказалъ Запорожецъ, становясь между Михайломъ и Радивосемъ съ поднятою саблею.—Смотри, продолжалъ онъ, освѣщая Михайла фонаремъ:—но не бѣснуйся, а

лучше скажи, за что ты гошишь его сквозь огонь и воду?

—Бре, побратиме! отвѣчалъ Радивой:—Што ты бѣдишь? Я въ первый разъ вижу этого юнака.

—Въ первый разъ? А на что жъ ты велѣлъ схватить его на мосту? и черезъ тебя онъ такъ хорошо покунался въ воду, что лучше и неадо!

—Схватить на мосту! сказалъ Радивой съ великимъ удивленіемъ.—Такъ это тебя, юначе, они столкнули въ воду? обратился онъ къ Михайлу.

—Меня, и я хотѣлъ бы знать этому причину. Едва выѣхалъ изъ дому, и уже нашлъ смертельныхъ враговъ.

—Гунсвоты! я жъ ихъ научу, какъ исполнять мои приказанія! Молю тебя, драгіи господни, прости мнѣ! Безъ умыслу я чуть не причинилъ тебѣ смерти. Мнѣ совсемъ не тебя было нужно.

Михайло хотѣлъ было отвѣчать, но Запорожець, любившій говорить за всѣхъ, перебилъ его рѣчь.

—Эхъ, и ты жъ, видно, голова разумная, папе отамане! сказалъ онъ:—за однимъ гонимся, а другое стрѣляешь! Ну, скажи жъ мнѣ теперь, какого дьявола тебѣ было нужно?

—Какого?... Гм, моро! я знаю, какого! Я отыщу его снова. Онъ не уйдетъ отъ меня!

—А, такъ, видно, и у тебя, *господино мой драгий*, есть на примѣтъ такой звѣрь, какъ у меня! Я началъ уже проноухивать слѣды своего, но только я не ошибусь по твоему. Но что за врагъ! Чего жъ вы стоите, какъ оторопни? Распросились, что не виноваты одинъ другому, такъ обнимитесь же да поздоровайтесь. Можетъ-быть, пріятелями со временемъ будете.

Щербина взялъ Михайла за руку и подвогъ къ Радивою.

—Благодарю, сказалъ Радивою, поцѣловавшись съ Михайломъ:—много благодарю тебѣ, храбрый *дедил* *. Приси у меня награды, какой хочешь; проси коня *дѣбата* **, проси *мѣца гребѣшатаца*, проси *пукику джеврдану*, проси серебра и злата, колико ти драго.

—Ничего мнѣ не надо, отвѣчалъ Михайло, внѣ себя отъ радости:—хочу только служить у тебя противъ враговъ православной вѣры.

—О мое чадо любо! сказалъ Радивою, снова его обнявши:—Иди со мною въ мпую Сербію; будешь у меня какъ орленокъ подъ крыломъ у своей матери и какъ соколъ въ ущельи каменной скалы. Но милы братья, намъ оставаться здѣсь опасно: этихъ собакъ, можетъ-быть, здѣсь и много. Пойдемъ.

—Какого чорта намъ втроемъ бояться?

* Вонгъ, miles praetorianus, delia.

** *Дѣбата*—бѣлый конь,—любимая мать у Сербовъ.

возразилъ Щербина:—Ты не знаешь еще, пане отамане, что за рубака этотъ Михайло. Когдабъ перила на мосту не сломались, знали бъ твои юнаки, что значить быть легкимъ на руку. Ну, скажи жъ пожалуйста, *господише мой блини*, какимъ случаемъ ты попалъ сюда на *мѣйданъ юнацкй* *?

—Какъ попалъ, море?... Пѣтъ, сперва ты скажи миѣ, што за сабля у моеи Роксанды?

—Вотъ што за сабля! отвѣчалъ Запоржеецъ, взявши у Михайла саблю и отдавая Радивою.

—Бре, юначел! што это? какъ это такъ?

—*Море*, пане отамане! А ты еще до сихъ поръ не догадался, въ чемъ дѣло? Такъ я жъ тебѣ скажу, что ты напрасно накрпчалъ на свою панночку, такъ что бѣд-

* *Имя на мѣйданъ юнацкй, мѣйданъ днѣпнскй у Сербовъ значить—вмѣстѣ на поединокъ.*

ное дитя чуть не умерло со страху. Слушай только. Ты теперь уже знаешь, что твои дурни видѣли, видно, только хвостъ лиспы, за которою гонялся...

—Гм, гунсвотъ, море! ворчалъ Радивой.

—И столкнули съ мосту такого козакъ, котораго и самъ Сѣрко * не отказался бъ назвать своимъ товарищемъ. Ну, какъ столкнули его съ мосту, нѣкуда ему дѣваться, поплылъ козакъ за водою и, можетъ-быть, чортъ знаетъ гдѣ очутился бъ, когда бъ твоя панночка—нехай здорова хвостъ!—не поймала его, якъ рыбу.

—Какъ, море! моя дочь Роксанда?

Михайло дергалъ Запорожца за рукавъ, давая знать, чтобъ онъ не мѣшалъ Роксанды въ эту исторію. Но Щербина, радуясь, что завладѣлъ чужими дѣлами, и

* Кошевий отаманъ, жившій во времена гетмановъ Юрія Хмельницкаго, Петра Дорошенка и Самуиловича.

за что не согласился бѣ отказаться отъ любимой своей роли опекуна и посредника.

—Эхъ, голова ты разумная! говорилъ онъ ему тихо:—Ты уже молчи, когда Щербина взялся за твои поводы. Переплывали, братику, мы не черезъ такіе пороги⁵⁵, какъ ты, и никакой бѣсъ насъ не ловилъ, какъ рыбу.

—Да, твоя панночка Роксанда, обратилась онъ снова къ Радивою:—Поймала, видать, что козакъ добрый, только то бѣда, що порубанный весь, якъ тарану́ха⁵⁶. Однакожь взяла таки она его, по христіанскому милосердію, чтобъ излѣчить его раны, точно такъ, какъ та *Туркеня-двоюка*, которая переняла израненнаго юнака на рѣкѣ Марицѣ... Помнишь, какъ поютъ у васъ въ пѣснѣ?... А тотъ юнакъ былъ никто другой, какъ отецъ вашего Марка Кралевича⁵⁷.

⁵⁵ Рядъ сальной рыбы, которую парализуютъ во многихъ мѣстахъ, чтобъ лучше пропалась собою.

Щербина мѣтко попалъ на желанную струну въ сердцѣ Радивою. Воспоминаніе о приключеніи съ отцомъ Марка Кралевича (пдола всѣхъ сербскихъ патриотовъ), воспоминаніемъ въ любимой его пѣснѣ, представило ему его поступокъ Роксанды въ самомъ выгодномъ для нея свѣтѣ и разогнало темное облако, которое, при имени Роксанды, появилось было надъ его бровями.

—Фала истинному Богу! сказалъ онъ радостно:—Дочь моя исполнила надъ тобою, Михайло, долгъ христіанскій, и за то Богъ послалъ тебя въ мою помощь! Но только я не такъ поступаю съ тобою, какъ поступилъ съ отцомъ Марка Кралевича Турокъ Мустафъ-ага. Ну, что жъ было дальше, драгій побратимъ?

—Да вотъ же видишь, пане отамане, поймала она его; но какъ узнала, что эта рыба выскочила изъ твоего невода⁵⁸, то уже и сама себѣ была не рада. Ну, а жалъ

⁵⁸ Невода—рыбачья сеть.

вѣдь, хоть бы и кому, погубить христіанскую душу; такъ она и тащила его отъ тебя, пока выздоровѣетъ. Вотъ тебѣ и вся исторія. А ты надѣлалъ такого крику да шуму, какъ пастухъ, у котораго волкъ схватилъ агпенка.

Радивой былъ очень доволенъ этимъ объясненіемъ, ибо оно выгнало изъ его азіатской души тѣ мрачныя подозрѣнія, какія втѣснились въ него со вчерашняго вечера и согнали его въ полночь съ постели.

—Ну, если такъ, сказалъ онъ, то прощаю и мои гусевотамъ. Но пусть только въ другой разъ промахнутся, въ прахъ превращу всѣхъ!

Въ эту минуту увидѣли они приближающуюся къ нимъ толпу людей съ фонарями, и уже было схватился за сабли; но Радивой узналъ въ нихъ своихъ юнаковъ, которые, слышавъ выстрѣлы въ лѣсу, поспѣшили къ нему на помощь, но долго не могли его найти.

—А, внукъ дьявола! теперь только вы и появились, когда васъ не нужно.

—Свѣтлый баче, отвѣчалъ старшій чаушъ:— всегда мы рады за тобой въ огонь и въ воду, но что жъ, когда ты не велишь за собою слѣдовать?

—А, море! я вамъ! Поднимите раненныхъ и допросите ихъ, изъ какого они села и отъ какого нана. Я знаю, откуда этотъ вѣтеръ вѣетъ. Это все хорунжіи гусевоты! Дрэгій Щербина и ты, храбрый дѣля Мяхайло, пойдѣте усядемъ на конь и отплатимъ внукамъ дьявола добрымъ юршемъ*.

Щербина принялъ это предложеніе весьма охотно. Мяхайло также хотѣлъ показать передъ Радивоемъ свою храбрость, думая безпрестанно о Роксандѣ.

Когда они пришли въ замокъ, начинало уже свѣтать. Радивой ушелъ въ свою башню

* Юрши — каша.

вадѣть панцырь, безъ котораго онъ никогда не ходилъ въ битву.

Остальные Радивоевы люди, разбуженные общемою тревогою, вышли всѣ на дворъ и столпились вокругъ Запорожца, спрашивая его о ночномъ походе Радивоя и о томъ, гдѣ онъ самъ дѣвался со вчерашняго вечера.

— Не спрашивайте объ этомъ, *море!* сказалъ имъ Запорожецъ, подражая манеру Радивоя: — не спрашивайте, *а-то погибнете, гунсвоты!*

Потомъ онъ разсказалъ имъ, въ какой опасности находился вхъ банъ, какъ внезапно подоспѣлъ къ нему на помощь Михайло и спасъ его отъ смерти. О себѣ Запорожецъ умолчалъ, желая дать больше вѣсу Михайлу во мнѣніи Сербовъ и считая свой лавровый вѣнокъ слишкомъ богатымъ, чтобъ прибавлять къ нему новыхъ вѣтвей.

Радостныя восклицанія исполнили воздухъ при этомъ извѣстїи. Всѣ старшины

обнимали Михайла и превозносили его храбрость; другіе въ знакъ своего почтенія и благодарности цѣловали полу его жупана.

Но едва только Запорожецъ объявилъ, что это тотъ самый удалецъ, который рубился съ ними на мосту, какъ многіе въ кружку насупились, а одинъ старый чаушъ отвелъ Щербину и Михайла въ сторону и сказалъ:

— Молчите, для Бога милога, господіе мои ласкавыи, а-то еще не одинъ изъ насъ сложитъ свою глѣву передъ баномъ. Мы давно уже знаемъ свою ошибку. Не Михайла намъ надобно было. Есть человекъ, котораго имени никто изъ насъ не смѣетъ выговорить, и до сихъ поръ живетъ на Гетманщинѣ, да банъ этого не знаетъ; а если бъ зналъ, — горе душамъ нашихъ предковъ!

— Чтобъ же васъ чортъ было побралъ, проклятыхъ гунсвотовъ! отвѣчалъ Запорожецъ: — За такую ошибку и я содралъ бы съ васъ кожу. Но не бойтесь: *Я-здоромъ* знаетъ уже все, и я уладилъ дѣло такъ,

что вамъ нѣчего больше опасаться за свои промахи. Но чортъ поберетъ всѣ промахи на свѣтѣ! Слава Богу, что живъ Михайло. А нуте, козакн, бандуру, бубны, бочонокъ нана Бардака!

—Щербино, море! раздаеся вдругъ громовый голосъ Радивоя, который, вооружась не на шутку отъ ногъ до головы, вышелъ на крыльцо, держа въ рукѣ огромную булаву, утыканную желѣзными шипами и принадлежавшую, по преданію, Марку Кралевичу, который, ѣдучи въ походъ, всегда, говорятъ, имѣлъ обыкновенію вѣшать съ одной стороны сѣдла большой кожаный мѣхъ вина, а съ другой, для равновѣсія, эту булаву ²⁶.—Щербино, море! крикнулъ Радивой:—Развѣ теперь время думать о бандурѣ и бочонкѣ? Ні конь, побратиме! На конь, драгіи Михайло! На конь, мои рабры юнаки!

Черезъ четверть часа все было готово, и отрядъ Сербовъ выступилъ въ походъ, подъ предводительствомъ Радивоя, Щербины и Михайла.

ГЛАВА XXVIII.

Радивой въ своемъ полузіатскомъ нарядѣ, въ шапкѣ съ бѣлымъ перомъ, въ блестящемъ панцырѣ, съ булавою Марка Кралевича въ рукѣ, могъ бы внушить восхищенію итцу, для котораго слухъ звонъ оружія приятенъ такъ же, какъ и звонъ струнъ, и сербскій бардъ, въ восторженной своей импровизаціи, неумѣнно сказалъ бы, что конь его дѣлалъ прыжки «въ три конья впередъ и въ четыре всерхъ подъ небеса»,

подобно коню Милоша Войновича, провожавшаго знаменитаго краля Степана Спльнаго въ свадебномъ его поѣздѣ **. Онъ undoubtedly бы самаго Радивоя игривому столбу пламени, пронзающему черные клубы дыму, или бурному потоку, который, стремясь неустово по наклону горы и встрѣтивъ на пути своемъ преграду, завиваетъ въ кудри гремящія свои волны, встаетъ, растетъ и высоко взметаетъ пѣпстую свою гриву. Онъ бы сказалъ, что усы его вѣялись по плечамъ и по груди, какъ два крыла ворона **, и сквозь нихъ блестяли латы, какъ блестятъ полный мѣсяцъ сквозь древесныя вѣтви **. Онъ много сдѣлалъ бы сравненій, не всегда, можетъ-быть, схоластически вѣрныхъ, но такъ же неожиданныхъ, живыхъ и блестящихъ, какъ неожиданны, разнообразны и ярки виды, развертывающіеся почти на каждомъ шагу въ горахъ его родины, — не для всѣхъ, можетъ-быть, пріятныхъ, но сходныхъ съ возвышеннымъ строемъ его лиры, съ характеромъ гористой, жаркой страны и неустовыхъ юнаковъ, ею обладающихъ. Сербскій бардъ нашелъ бы въ природѣ краски, которая чудесно при-

шлись бы къ изображенію и грознаго Радивоя, и великолѣпнаго ИЦербши, и стройнаго Михайла. Но я не смѣю подражать его манерѣ. Наша образованная жизнь, забирающая насъ отъ младенчества до престарѣлыхъ лѣтъ межъ камешныхъ и деревяныхъ ящиковъ, положила свою строго-правильную, безцвѣтную печать и на требованія нашего вкуса и на плоды нашего воображенія. Намъ, людямъ городскимъ, вѣлымъ, утратившимъ первоначальную свѣжесть душевныхъ способностей, даже не нравится поэзія пѣвцовъ, воспитанныхъ не книгами, пока мы въ нее не вчитаемся и не сроднимся нѣсколько съ ихъ жизнію. Мы привыкли ко всему мутному, сѣренькому, блѣдному, и назвали эту привычку утонченностію вкуса. Мы изгнали даже изъ своихъ одеждъ тѣ колера, которые у художниковъ называются *цѣльными*, и еслибы было въ нашей волѣ, мы уняли бы даже яркость луговой зелени, блескъ солнца и жаркій багрянецъ горизонта при рожденіи дня, такъ точно, какъ уняли искусственными средствами и сидячею жизнью природную краску на щекахъ своихъ, считая румянецъ признакомъ

деревенщины, нужны пѣтъ, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть и признакъ здоровья.

Но будь все это сказано не въ зачетъ. Обращаюсь къ своему разсказу. Продолжая походъ. Радивой обсудилъ съ Запорожцемъ и Михайломъ, какъ расположить пѣть планъ этой маленькой войны. Положено было оставить пушки на полудорогѣ въ старомъ редутѣ, какихъ множество разсыяно по полямъ Украины, а легкому отряду съ одними ружьями и саблями занять стадо пана хорунжаго и заманать неприятеля въ западню.

Хорошо рассчитанный планъ удался въ полной мѣрѣ. Окружа стадо, бродившее спокойно подъ самымъ селомъ пана хорунжаго, Радивой, державшій всегда подлѣ себя Запорожца, спрашивалъ грозно па-
стуховъ:

— Чье это стадо?

— Пана хорунжаго, отвѣчали трепетныя пастухи.

— Брѣшете, бѣсовы дѣти, гунсовоты! вскричалъ онъ:— это мое! это стадо бана Радивоя! Развѣ вы не знаете еще моего правила, которое на слуху я растолковалъ нѣкоторымъ изъ вашихъ панковъ? *Все мое: земля моя, небо мое, воды мои, и чорты, що у братахъ, все мое!* О, я здоровъ, море! Гоня стадо до байрака бана Радивоя! А между-тѣмъ, драгіи побратиме Щербано, вели трубить въ рога и палить изъ ружьевъ, чтобъ не считали насъ ворами. Я здоровъ! *Коли масишь силу, созьми все у мене* !!

Звукъ роговъ и выстрѣлы подняли тревогу въ деревнѣ пана хорунжаго, и не успѣвъ отрядъ Радивоя сдѣлать трехъ верстъ, какъ увидѣвъ густую пыль на дорогѣ, означавшую погоню.

Скоро козакъ наскочилъ на хвостковъ и завязалась ружейная перестрѣлка. Радивой очень трудно было удержаться отъ схватки; онъ всякой разъ, когда пуля свистя пролетала мимо его ушей, хватался за свой мечъ, но Запорожець удерживалъ его

порывы, напоминая ему о рассчитанном шанѣ.

Ротпрода между-тѣмъ, наша непріятеля, сблизжалась къ старому редуту, и Сербы удерживали напоръ козаковъ только до тѣхъ поръ, пока стадо обошло редуть, а потомъ, какъ ртуть, брызнули въ обѣ стороны и оставили обезумленныхъ враговъ своихъ подъ пушечнымъ залпомъ.

Разстроенные и смятые, они бросились бѣжать, но бѣдѣ ихъ былъ не тутъ еще конецъ. Ихъ встрѣтилъ резервный отрядъ, скрывавшійся въ боковомъ лѣску подъ командою Михайла и выступившій изъ засады по пушечному выстрѣлу. А въ слѣдъ затѣмъ Радивой и Щербина снова вышли изъ-за редута и ударили на нихъ съ тылу.

Сперва козаки рѣшились было защищаться до послѣднихъ силъ, но когда Радивой, о бокъ съ Щербиною, врѣзался въ средину окруженнаго со всѣхъ сторонъ отряда, и съ крикомъ—*Я здоровъ! все мое!*—однимъ ударомъ булавы повалилъ съ конемъ пана

хорунаго, вся бодрость ихъ оставила. Разъяренный, съ кровавыми очами Радивой, про котораго въ окрестностяхъ носились суевѣрные слухи, показался имъ настоящимъ демономъ. Они бросили оружіе и просили одной пощады.

—Жаль! сказалъ свѣрѣпый Сербъ:—а я бы вамъ показалъ, что значить банъ Радивой! Ну, нѣчего дѣлать; лежачаго не бьютъ. Отобрать у нихъ коней и оружіе, а самихъ отпустить, да велѣть имъ зарыть убитыхъ. Ты, побратиме, славно распорядился. Спасибо и тебѣ, Михайло: сражался рѣбро! Курганъ пусть называется *Щербиною*.

Можетъ-быть нѣкоторые изъ моихъ читателей усомнятся въ дѣйствительности подобныхъ событій на Украинѣ, но повѣрять, чтобъ подъ правленіемъ русскимъ могли проходить безъ наказанія такіа насилія за восемьдесятъ лѣтъ до насъ, и все это припишутъ игрѣ моего воображенія. Но—

Вопервыхъ, я укажу имъ на остатки

многихъ редутовъ и крѣпостей въ нынѣшней Харьковской губерніи, къ которымъ приросли имена защищавшихъ и покорявшихъ ихъ феодаловъ; а съ этими именами неразлучны цѣлыя легенды объ ихъ кровавыхъ ссорахъ и буйныхъ пирахъ, сохранившіяся въ памяти народной. Неужели всѣ эти редуты, развалины, имена и легенды выросли сами собою, какъ грибы послѣ дождя? Неужели воображеніе народное, отъ нѣчего дѣлать, вымыслило понятія, чуждыя нынѣшнему быту украинскихъ поселенцевъ?

Вовторыхъ, прошу вспомнить, каково было состояніе гражданственности за семьдесятъ лѣтъ до насъ, не-то въ Украинѣ, но и вообще въ Малороссіи, которой прввлелгіи Россія не подчинила еще своимъ постановленіямъ? Тогда еще не понятна была нашимъ панамъ мысль: почему въ благоустроенномъ государствѣ никто не долженъ имѣть своего суда? Законы у нихъ написаны были въ книгахъ, въ которыхъ никто не заглядывалъ, а сами они, и даже тѣ изъ нихъ, на комъ лежала обязанность

расправы, считали себя, по старому духу, какими-то владѣльцами независимыми и не скоро отстали отъ идей, перешедшихъ къ нимъ по наслѣдству изъ рода въ родъ еще со временъ Уши, когда всякъ, кто имѣлъ силу, отбивался отъ своихъ и новыхъ враговъ, приставалъ къ любой партіи, ссорился и мирился, съ кѣмъ хотѣлъ, не признавая надъ собою никакихъ правъ и законовъ, кромѣ предковскихъ обычаевъ в религиознаго чувства. А потому они смотрѣли на всѣ эти битвы такъ, какъ бы онѣ были въ порядкѣ вещей, и хотя имѣшавались иногда съ распривою между враговъ, но совсѣмъ не съ тою цѣлью, чтобы содѣйствовать стройному ходу порядка, а единственно по чувству внутренней правды, возбужденному несправедливостью одного лица противъ другаго.

Притомъ же слободско-украинскія наши поселенія составлены были изъ всякой разнобоярщины. Тутъ были изъ-за Днѣпра вольнскіе и подольскіе Руссы, Сербы, Болгаре, Чернегерцы, Волохи, Молдаване, Грузины и Греки. Весь этотъ народъ пришелъ

изъ такихъ странъ, гдѣ мѣнялся огнемъ и желѣзомъ вошло въ привычку. Они бѣжали отъ меча, пули и пожара въ землю *вольную*, гдѣ имъ обѣщана была совершенная свобода, гдѣ они сами отиѣривали себѣ любой кусокъ поля; а охраняя оружіемъ, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, свою усадьбу отъ Татаръ, они естественно привыкли считать себя на своей землѣ владыками независимыми и готовы были защищать ее такимъ же образомъ отъ кого бы то ни было. Каждое поколѣніе принесло съ собой свои понятія о гражданственности и личномъ правѣ, свои понятія о собственности и чести, и сколько нужно было лѣтъ, чтобъ всѣ эти разнородные элементы слились въ одну стихію!

Русское же правительство, частію отъ внутренняго безладья во времена Бирона, частію отъ виѣшнихъ помѣхъ, не имѣло еще времени заняться правильнымъ устройствомъ своихъ провинцій, и только подъ конецъ царствованія Екатерины II, когда Россія, по уничтоженіи Запорожской Сѣчи и занятіи своими войсками Крыма, могла

спокойно приняться за внутреннія свои дѣла, по всему государству прошла одна мысль и дала идеямъ цѣлой массы разнороднаго народонаселенія Украины что-то общее.

А въ доказательство, что мое воображеніе не находитъ никакой прелести въ этихъ разбояхъ и что я коснулся ихъ только для показанія, что творилось въ нашей родинѣ не далѣе, какъ за восемьдесятъ лѣтъ до насъ, я не стану больше объ нихъ распространяться и поспѣшу окончить свое повѣствованіе.

Воротаясь съ удачнаго наѣзду, Радивой засталъ ожидавшагося его на дворѣ гонца изъ Сербіи и тотчасъ ушелъ съ нимъ въ свою башню. А Щербина, отдавши приказаніе, чтобъ разсѣдали и развели по мѣстамъ лошадей, вышелъ на средню двора и сказалъ:

—Ну, панове молодцы, послѣ такой славной потѣхи, стоитъ намъ погулять, какъ подобаетъ храбрымъ лыцарямъ. Гей; бан-

дуру! бубны! бочонокъ пана Бардака!

На этотъ буйный призывъ все на подворья зашумѣло. Музыка грянула; земля застояла подъ множествомъ дюжихъ каблучковъ. Щербина, съ бандурою въ рукахъ и съ чаркою на головѣ, пустился танцовать, припѣвая своимъ запорожскія пѣсни.

Но Михайлу, котораго воображеніе было полно картинами мирной жизни, проведенной имъ въ удивленіи съ Роксандою, эта буйная веселость была какъ-то странна, какъ-то не по сердцу. Онъ остановилъ Запорожца и сказалъ:

—Пане Щербино! чудная для меня вещь: я до сихъ поръ не могу понять, отчего ты всегда такъ веселъ, какъ будто на свадьбѣ у роднаго сына?

Не знаю, радость ли о возвращеніи Михайла, или, можетъ-быть, чувство восторга, произведеннаго въ немъ недавнею побѣдою, расположили Запорожца къ откровенности, только онъ опустилъ свою бандуру,

взялъ съ головы чарку, выпилъ до дна и сказалъ:

—Коханный ты мой Михайло! какъ же мнѣ не быть веселу? Развѣ меня не любили ни одинъ карыя очи? Развѣ я не любилъ ни чьихъ очей во сто разъ больше, чѣмъ свою душу? Или ты думаешь, что у Запорожца волчье сердце?... А?... Развѣ я не любилъ? Развѣ я не имѣлъ вѣрнаго пріятеля? того пріятеля, за которымъ ѣзжу теперь по всему свѣту?

Тутъ взоры его засверкали дикимъ блескомъ, и губы задрожали отъ сильнаго волненія.

—Какъ же мнѣ не быть веселу? продолжалъ онъ:—Развѣ не я былъ тотъ чловѣкъ, котораго цѣловали алыя уста и обнимали бѣлыя руки? Развѣ не я былъ и тотъ, который стоялъ привязанный къ столбу и видѣлъ собственными очами, какъ горѣлъ его домъ! видѣлъ, какъ взяли его жену, какъ передъ его глазами ее взяли! Или не тотъ, который видѣлъ, какъ его

дѣта, его родное дѣта бросили изъ окна на голые камни?... Какъ же мнѣ не быть веселу? Михайло! какъ мнѣ не быть веселу?... Я скоро увижусь съ дорогимъ своимъ пріятелемъ, о которомъ долго не было ни слуху, ни духу! О, я увижусь; я знаю, я чую сердцемъ, что скоро съ нимъ увижусь!... Какъ же мнѣ не быть веселу, Михайло? какъ мнѣ не быть веселу!... Гей, гуляй молодцы! вскрикнулъ онъ, ударивъ по струнамъ своей бандуры, и закружился снова въ вихрь танца.

Пораженный страхомъ, слушалъ Михайло эту ужасную повѣсть человѣческаго сердца, растерзаннаго и закинувшаго въ собственной крови своей. Въ немъ начинало пробуждаться какое-то мрачное чувство... Но въ это время позвали его и Запорожца къ Радвию.

ГЛАВА XXIX.

Несправедливо было бы съ нашей стороны заниматься такъ усердно дѣлами совершенно чужихъ для насъ людей, каковы, напримѣръ, Радвий и Роксанда, и оставлять въ безвѣстности стараго своего пріятеля, полковаго судью, въ то время, когда онъ удаленъ отъ родины, разлученъ съ милою дочкою, преданъ во власть мерзкому творенію, которое наслаждается со своей достойной матушкой столами, долетающими

ми къ нему изъ глубины тюрьмы.

Нѣкоторыя дѣвушки—да будетъ мнѣ ихъ имени—признавались мнѣ, что «ужасъ какъ любить» въ книгахъ темницы, пещеры, подземелья, и просилъ меня вспомнить объ этомъ, когда представится случай изобразить подобныя вещи. Не нужно, думаю, увѣрять, что желаніе ихъ для меня свято; но могу ли для ихъ забавы жертвовать истинною и мучить свое воображеніе мрачными вымыслами, тогда какъ мнѣ не стоить никакого труда черпать изъ народныхъ преданій готовые матеріалы, не въ накладъ ни головѣ, ни совѣсти? Сверхъ того, я начинаю замѣчать, что длинный мой рассказъ утомляетъ уже читателей, и потому не только ничего не прибавлю отъ себя, а еще сокращу собранныя мною преданія объ этихъ истинно удивительныхъ событіяхъ. Читатели могли даже замѣтить, что во второй половинѣ этой книжки я сжалъ слогъ свой, и тамъ, гдѣ можно бы сказать многое, я провожу только главную черту. Все это изъ опасенія, чтобъ не родилась четвертая книжка, что при

моей словоохотности весьма избыточно; а вѣдъ теперь даже и романы выѣзжаютъ иногда только парюю.

Итакъ я пропущу и то, какъ мучился въ своей неволѣ добрый судья, и то, какъ приходилъ терзать его своими допросами достойный писарь Крыжановскаго, Г. . бовскій. Упомяну только объ одномъ происшествіи, имѣвшемъ непосредственное вліаніе на дальнѣйшія событія.

Съ нѣкотораго времени полковой судья началъ замѣчать что-то странное въ поступкахъ своего тюремнаго сторожа. Онъ зналъ, что всѣ этого ремесла люди бываютъ обыкновенно грубы, жестоки и безжалостны; а въ лицѣ этого челоуѣка онъ замѣчалъ выраженіе какого-то участія къ себѣ. Въ его услугахъ было что-то усердное и заботливое. Часто этотъ чудный тюремщикъ, выходя отъ судьи, останавливался, долго смотрѣлъ на него молча; видно было въ немъ внутреннее бореніе нерѣшимости и желанія что-то высказать; потомъ онъ быстро отворачивался и уходилъ изъ

подвала. Такъ прошло около трехъ недѣль.

Однажды, прннесши своему узнику скудный обѣдъ, тюремщикъ такъ близко наклонился къ судѣ, что тотъ, при свѣтѣ солнца, заглядывавшаго на закатѣ своемъ въ узкое рѣшетчатое окно подвала, ясно могъ рассмотреть черты его лица, и какъ онъ обрадовался и изумился, когда вдругъ узналъ въ этомъ тюремщикѣ своего давняго слугу Фодота Побегѣйла!

— Фодотъ! вскрикнулъ онъ:—неужели это ты?

Тюремщикъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и потомъ повалился судѣ въ ноги.

— Такъ, пане! говорилъ онъ:—такъ, мой добрый пане! Это я несчастный! я, грѣшникъ великій! Прости мнѣ, пане милосердный! не губи меня своимъ гнѣвомъ! Наказалъ уже меня Богъ за всю мою вину!

— Встань, Фодотъ, сказалъ полковой судья:—теперь скорѣй ты мой пане, чѣмъ

я твой. Но скажи мнѣ, несчастный, какъ это ты дошелъ до такой нищеты съ тѣми деньгами, которыя увезъ отъ меня?

— Охъ, пане мой, добродѣю! Гдѣ видано, чтобъ человекъ разжился чужимъ добромъ?

— Да, Фодотъ; давно я говорилъ тебѣ: *Не сотвори злая за благая.* Это премудрое правило. Дѣдъ мой, генеральный судья, недаромъ твердилъ его намъ каждый день.

— Что-то мои бѣдные дѣти безъ меня? что-то моя Ганна несчастная? Все можно купить за золото, но нельзя купить семьи родной. Теперь я это узналъ, да уже поздно!

— Дѣти твои, отвѣчалъ судья:—не пошли по своему отцу. Мальчикъ Ивасъ служитъ теперь честно у меня въ домѣ; а дочка твоя Гапѹся уже невѣста. Объ Зеленой недѣлѣ выдали бъ мы ее замужъ за браваго козака, когдабъ не проклятые Голштинцы помѣшали: понесло и его окаяннаго въ этотъ глупый походъ, какъ и на-

шого бѣднаго Михайла. Охъ, Господи! помилуй насъ грѣшныхъ!

—А что жъ моя Ганна, папе? что моя Ганна несчастливая?

—Ганна твоя—не хочется, право, даже выговорить этого плачетъ до слухъ поръ бѣдная за тобой бродягою. Не понятно, Ѳедотъ, что это съ тобой стало? Ты былъ и добрый батюка для дѣтей, и добрый мужъ для жены, и слуга вѣрный для меня; и потомъ вдругъ...

—О Боже мой! несчастье мое великое! завопилъ терзаемый раскаяньемъ преступникъ:—Врагъ рода христіанскаго покусилъ меня! За нѣсколько горстей серебра я потерялъ навѣки жену и дѣтей...

—Еще не навѣки, сказалъ судья:—ты можешь воротиться къ нимъ, если захочешь.

—Воротиться! нѣтъ, никогда я не увижу Глухова! Съ какими глазами я покажусь передъ сосѣдами! Кто меня приметъ за

гостя? Собственныя мои дѣти будутъ стыдиться называть меня отцемъ своимъ. *Vors!* это одно слово заставитъ всякаго честнаго челоуѣка отъ меня удалиться; мальчишки будутъ бѣгать за мной по улицамъ и указывать пальцами! Пропала, навѣки пропала ты для меня, моя родина! Я освобожу тебя, добрый мой папе, изъ этой темницы, а самъ уйду на Сѣчь воевать враговъ христіанства; и если Богъ благословитъ мое намѣреніе, если навоюю золота и серебра, пойду въ монастырь, украшу Божию церковь дорогими иконами в буду день и ночь молиться о своей грѣшной душѣ!

—Благодарю Бога, сказалъ судья:—что Онъ сподобилъ тебя возвратиться на путь истинный! Но какимъ образомъ спасешь ты меня изъ неволи?

—Въ этомъ никто мнѣ не помѣшаетъ. Псара нѣтъ въ Гадячѣ, а ты и возница Шапкъ отдаши на мои руки.

—А гдѣ же псарь?

—Понесла его нечистая сила на встрѣчу Крыжановскому. Прислалъ окаянный гонца, чтобъ писарь поспѣшалъ къ нему какъ можно скорѣе съ десятью надежными козакми. Надобно тебѣ знать, что молодой Царь умеръ и голштинцы всѣ распушены, такъ и бригадирство Крыжановскаго теперь уже гроша не стѣитъ.

Полковой судья при этой вѣсти молча перекрестился.

—Куда же писарь долженъ поспѣшать къ нему на встрѣчу? спросилъ онъ.

—Да туда жъ всё таки подъ Глуховъ. Онъ сломился тамъ во все это время, неизвестно зачѣмъ. Говорили пные, что онъ жепуться тамъ гдѣ-то хочетъ и что даже подарки повезли; а теперь, видно, его не съ добромъ провожаютъ.

—Ты навѣрное знаешь, что онъ изъ Глухова не ѣздилъ въ Петербургъ?

—Конечно не ѣздилъ: гонцы его бѣгали

въ Гадачь и изъ Гадача къ нему раза по два въ недѣлю.

Полковой судья погрузился въ мрачныя думы. Нѣсколько словъ Фодота Побегѣйла вдругъ повели его къ такимъ догадкамъ, отъ которыхъ у него замерло сердце.

Въ тотъ же день, какъ только смерклось, Фодотъ явился къ нему переодѣтый и, выведя его изъ подвала, замкнулъ попрежнему окованную желѣзомъ дверь и потомъ повелъ его, чрезъ запустѣвшій садъ, въ узкую улицу, гдѣ ожидали ихъ добрые кони, которыхъ держалъ возница Шпакъ.

Выѣхавъ тихою рысью изъ Гадача, они пустились во всю прыть дикими полями, которыя начинались тотчасъ за рубежомъ Полтавщины, при вѣздѣ въ такъ называемую тогда Украпну.

Всю ночь ѣхали они безъ отдыха, давая только по временамъ своимъ конямъ перевести духъ. На разсвѣтѣ остановились между кустами дикаго терновника, спутали

коней, а сами подкрепились завтракомъ, которымъ предусмотрительный Фодоть Побегайло не забылъ запастись на дорогу. Потомъ снова пустились въ путь и къ обѣду прѣехали въ большое село, въ концѣ котораго, на возвышеніи, стоялъ паускій дворъ.

Полковой судья не намѣренъ былъ здѣсь останавливаться, чтобъ не встрѣтиться съ какими-нибудь агентами Крыжановскаго. Но прѣзжая мимо паускаго двора, онъ примѣтилъ человѣка пять вооруженныхъ людей на коняхъ и въ числѣ ихъ какую-то важную фигуру въ желтомъ кунтушѣ, на бѣломъ конѣ. Какова жъ была его радость, когда онъ въ этой важной фигурѣ узналъ вдругъ стариннаго своего пріятеля, пана Бардака!

—Василь Васильевичъ! закричалъ онъ.

—Что за диковинка! отвѣчалъ панъ Бардакъ, подѣзжая къ нему:—голосъ знакомый, а лице ей ей не въ примѣту!

—Развѣ забылъ, пріятель, глуховскую

чеберячку? сказалъ полковой судья.

—Хвала тебѣ Господи! закричалъ панъ Бардакъ, поднявши руки вверхъ:—какой счастливыи день! я буду имѣть гостемъ потомка генеральнаго судьи Животовскаго!

И въ слѣдъ за тѣмъ старые пріятели обнялись съ такимъ усердіемъ, какъ братья, и поцѣловались трижды.

—Пане! сказалъ тогда, приблизясь къ судья, Фодоть Побегайло.—Я кончилъ свое дѣло, провелъ тебя дикими степями, чтобъ не повстрѣчаться съ недобрыми людьми. Теперь, кажется, ты нашелъ себѣ пріятеля, который проведетъ тебя до Глухова лучше моего. Прощай, мой добродѣлю! Будь батькомъ для моей Ганши и дѣтей!

И не успѣлъ судья собраться съ отвѣтомъ, какъ его слуга былъ уже далеко на дорогѣ.

—Что жъ, пріятель, сказалъ панъ Бар-

дѣкъ:—каково вамъ живется тамъ на Гетманщинѣ?

—Охъ, худо, худо! отвѣчалъ вздохнувши полковой судья.

—Да послѣ чего жъ оно будетъ и хорошо, пане судья, когда теперь жиды что хотять, то и дѣлають? Сегодня ворочаюсь я домой съ ярмарки; вдругъ, версть можетъ сорокъ назадъ, какая встрѣча! Этотъ нечестивецъ Крыжановскій ѣдетъ съ цѣлою шайкою разбойниковъ, и межъ ними въ покрывалѣ женщина! Вѣрно, думаю себѣ, волкъ попалъ уже овцу! Только что несчастная завидѣла насъ, какъ подниметь крикъ...

—И что же ты?

—И что же я! Что жъ бы я дѣлалъ, когда у меня всего человѣкъ поддесятка, а у него втрое больше?

—Гробы моихъ предковъ! вскричалъ въ отчаяньи судья:—Кто бы подумалъ, что

наша славная родина доидеть до такого разоренія! Другъ мой, Бардѣкъ! Сослужи мнѣ послѣднюю службу! Это моя дочь! это моя милая, моя несчастная Катерина!

Пацъ Бардѣкъ, не медля ни минуты, по распрашивая и не утѣшая судью, тотчасъ велѣлъ перековать себѣ и гостю своему коней и, взявши съ собою человѣкъ тридцать верховыхъ, вооруженныхъ саблями, пистолетами и карабинами, отправился, вмѣстѣ съ полковымъ судьей, въ погоню за Крыжановскимъ.

Но пока они успѣютъ настигнуть хитрика, мы воротимся въ замокъ Радвоя и узникемъ, зачѣмъ были позваны къ нему Михайло и Запорожецъ.

ГЛАВА XXX.

Радивой встрѣтилъ ихъ съ радостнымъ лицомъ.

—Братцы вы мои, сказалъ онъ:—сегодняшній день останется для меня золотымъ днемъ въ моей жизни! Тысячу благодарностей тебѣ, храбрый юначе, за спасеніе меня отъ смерти! Благо майци, коя те родила! Не за себя благодарю: миллионы людей, быть-можетъ, осчастливлены тобою!

Я получилъ вѣсти изъ родины. Все устроилось по моимъ планамъ. Венгерскій князь намъ помогаетъ. Храброе войско готово; ждуть меня съ нетерпѣніемъ. Благодарю Бога! можетъ-быть, Онъ смловался уже надъ бѣдною Сербією!... Но съ этой вѣстью, я получилъ и другую вѣсть. Окружные паны всѣми силами, и завтра можетъ-быть, придутъ подъ мой замокъ. Сумскій полковникъ даетъ мнѣ сотню своихъ козаковъ. Гунсвотъ, море! Я здоровъ! я никогда не отказывался отъ бою; но теперъ пусть лучше назовутъ меня залпемъ, а я поберегу себя для невѣрныхъ. Сей часъ собираться въ дорогу. Бросать всѣ тяжести; брать только самое нужное и дорогое. Возовъ было чтобъ только три. Вы, милы братья, ѣдете со мной воевать за вѣру рипштанску и за славу имени Серпскога?

—Готовъ съ тобою въ огонь и въ воду! воскликнулъ Михайло.

—Добре, мое дѣце драго. Иди со мною въ милую Сербію; хочу тебя честата учинити.

—А я не пойду, сказалъ Запорожець.

—Бре, юначе! до Бога милога! Ты со мною не хочешь?

—Эге, пане отамане! *Не що для бридлі.* Пора намъ распрощаться. Этотъ рубака заступитъ при тебѣ мое мѣсто; только смотри, *господина мой драгий,* не обижай его, а пристрой у себя въ милой Сербии какъ слѣдуетъ. Я жъ проведу тебя только до Гадача. У меня есть что дѣлать и дома.

—Море, побро! да Богъ те убіе! Гдѣ жъ я найду подобнаго тебѣ юнака? Во всемъ свѣтѣ, на четыре страны, нѣтъ такого рубака витеза, какъ ты, мой драгий побратиме. Заклинаю тебя милымъ Богомъ и святою вѣрою, заклинаю небомъ, кое надъ тобою, и землею, кая подъ тобою, да вѣндемъ противъ бусурмана!

—Пане отамане, сказалъ Запорожець:—напрасно просяшь. Не пойду, хоть ты себѣ *бре,* хоть ты себѣ *море.*

Радивой сильно жалѣлъ о потерѣ своего любимца, но, понимая его характеръ, не пытался и убѣждать его.

—Раборъ юнакъ *спрмо слово каже,* сказалъ онъ:—Жаль мнѣ тебя, побро, какъ соколу деснога крыла; но вижу, что надо намъ распрощаться. Возьми жъ ты эти ключи, отопри мои сандуки и набери себѣ серебра и злата, колико ти драго.

Но Запорожець вынулъ изъ кишени наполненный золотомъ кошелекъ и сказалъ:

—Еслибъ Щербинѣ не стало этихъ денегъ, ему стоитъ только поѣхать по Гетманщинѣ: у него на каждой сотнѣ верстѣ найдется своя скарбница.

Оставляя подробное описаніе поѣзда Радивоева, скажу только, что онъ раздѣленъ былъ на три главные части. Впереди, съ отрядомъ любимѣйшихъ юнаковъ, ѣхалъ самъ Радивой обокъ съ Запорожцемъ, везя съ собою казну. Другой отрядъ окружалъ какъ-бы стѣною нѣскольکو женщинъ, сидя-

щихъ тоже на коняхъ, и межъ ними, въ бѣломъ покрывалѣ, на дорогой турецкой лошади, была Роксанда, съ ружьемъ, притѣшеннымъ къ луку сѣдла. Этотъ отрядъ, по совѣту Щербини, былъ отданъ баномъ подъ предводительство Михайлу. За нимъ шелъ еще отрядъ, веза въ повозкахъ сундуки съ серебромъ Радивой и разными вещами его дочери. Прочіе слуги Радивой, для большаго удобства пути, были разосланы впередъ небольшими партиями.

Кавалькада ѣхала съ возможной быстротою и до самаго вечера не имѣла никакихъ приключеній, кромѣ частыхъ встрѣчъ съ партиями *голишницевъ* и *подцаболдинцевъ*, которые, будучи распущены послѣ внезапной смерти Императора Петра III, тянулись домой всѣми дорогами, оборванные и печальные, и служили для поселенъ предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія, по свидѣтельству архіепископа Конискаго.

Но когда Радивой переправился со своимъ спутниками черезъ рѣку Псѣлъ и под-

нялся на возвышенность, съ которой открывалась обширная луговая равнина, тутъ случилось происшествіе, вполне достойное нашего вниманія.

Внизу на равнинѣ между двумя группами людей происходила перестрѣлка, сопровождаемая съ обѣихъ сторонъ криками и клятвами. Одна группа, отстрѣливаясь отъ своей противницы, ретировалась мало-помалу къ ближнему лѣску. Другая нападала на нее съ великимъ крикомъ, и хотя была гораздо многочисленнѣе, но дѣлала меньше выстрѣловъ. Въ атакованной группѣ не трудно было примѣтить межъ козаками женщину, и за нее-то, повидному, былъ и споръ.

Читатели романовъ, отъ частаго упражненія, приобрѣтаютъ обыкновенно такую тонкую догадливость, что бѣдный авторъ хоть и не думай поражать ихъ нечаянностями и удивлять неожиданными развязками. Къ счастью, я не романистъ, а простой рассказчикъ дѣдовскихъ преданій, и потому нимало не сожалѣю, если мои читатели

Догадались уже, что упомянутая перестрѣлка происходила между дружинами судьи и Крыжановскаго; это даже избавляет меня отъ лишняго труда. Я долженъ только прибавить, что атака судьи на Крыжановскаго шла очень неуспѣшно, потому что козаки Крыжановскаго жарко защищались, а со стороны судьи всякой выстрѣлъ могъ ранить плѣнную Катерину.

—Что за дьяволъ! сказалъ Радивой:— когда не хочешь даже вынимать изъ ноженъ сабли, какъ нарочно нигдѣ не разминешься съ битвою! Пойди, побро, узнай, что это за драка?

Щербина съ двумя Сербами спустился съ горы. Но едва только онъ приблизился къ сражающимся и завидѣлъ вдали Крыжановскаго, какъ вдругъ вспрыгнулъ на стременихъ своихъ. Губы его задрожали; всѣ черты лица измѣнились. Онъ затрясся всѣмъ тѣломъ отъ гнѣва; онъ закричалъ, заплакалъ! И между тѣмъ конь его быстрѣе вихря мчался къ Крыжановскому, и кривая турецкая сабля сверкала уже въ рукѣ его.

—Харло! Харло! могъ только вымолвить Щербина, нападая въ неизъяснимомъ бѣшенствѣ на своего противника.

Но его взмахи были невѣрны; его движенія, отъ необычайнаго волненія души, были непрозвольны, судорожны.

Пользуясь этимъ случаемъ, Крыжановскій ударилъ его со всего размаху саблею вдоль головы, и въ то же время двѣ пули съ двухъ боковъ пронзили несчастнаго Запорожца. Щербина палъ мертвый къ ногамъ смертельнаго врага своего.

Сопровождавшіе его Сербы воротились въ ужасѣ къ Радивою.

—Свѣтлый и честитый бане! кричали они:—это онъ!

—Кто онъ?

—Онъ, чьего имени мы не смѣемъ вымолвить передъ тобою!

Радивой вспыхнул; глаза его налились кровью.

—Как! жидъ? Харло Лютца? измѣнникъ?

—Такъ, свѣтлый бане, Харло Лютца!

—Море! внукъ дьявола! вскрикнулъ громовымъ голосомъ Радивой:—За мной, юнаки! О, я здоровъ море! я здоровъ!

И вихремъ полетѣлъ со своимъ отрядомъ на мѣсто битвы.

Крыжановскій тотчасъ узналъ Радивоя, летящаго на него демономъ со своей дружиною, и смущеніе его было тѣмъ сильнѣе, что онъ и во снѣ не воображалъ увидѣть здѣсь своего мстителя. Не теряя минуты, онъ оборотилъ коня и бросился бѣжать со своимъ конвоемъ, оставя на мѣстѣ свою добычу.

—Нѣтъ, гунсвотъ! ты не уйдешь отъ меня, сынъ ада, внукъ дьявола! кри-

чалъ свирѣпый Радивой, размахивая своимъ мечомъ, который былъ бы въ пору Голааеу.

Онъ скоро настигъ Крыжановскаго и однимъ ударомъ своего мача *гребештаца* снесъ ему голову. Съ звѣрскимъ восторгомъ поднялъ онъ ее, безобразную и кровавую, съ земли за длинную чуприну и съ наслажденіемъ заглядывалъ въ ея мигающія очи. Онъ хохоталъ, вскрикивалъ радостно, онъ чуть не прыгалъ на сѣдлѣ своемъ; потомъ велѣлъ воткнуть ее на копье и нести, какъ трофей, передъ собою.

Но когда онъ воротился къ своему полку, ему представилась сцена, повергнувшая его въ изумленіе и ужасъ.

Михайло, который уже давно межъ криками сражающихся услышалъ голосъ полковаго судьи, тотчасъ догадался, что это значитъ. Онъ узналъ издали Катерину и Крыжановскаго. Въ его душѣ вдругъ проснулись подавленные чувства. Раскаяніе, стыдъ, ничѣмъ невыразимая тоска повергли его въ

адъ мученій. Онъ вспомнилъ и прежнія клятвы Катеринѣ, и клятвы, данныя дочери Радивой. Его воображенію живо представился убитый горестью отецъ, котораго спокойствіемъ онъ пренебрегъ такъ легкомысленно для своего честолюбія. И гдѣ жъ плоды этого честолюбія? Гдѣ тѣ великіе подвиги, о которыхъ мечталъ онъ, выѣзжая изъ дому? Гдѣ онъ теперь? что онъ теперь? Куда и зачѣмъ ѣдетъ, оставивъ родину?

Цѣлая туча подобныхъ упрековъ возникла вдругъ въ его совѣсти. Онъ снова обезумѣлъ совершенно. Онъ бросился къ Катеринѣ, которая залпывалась радостными слезами, обнимая своего отца. Онъ палъ къ ея ногамъ, рыдалъ и умолялъ ее изумленную, не зная самъ о чемъ. Клятвами любви, обѣщаніями вѣчной вѣрности, увѣреніями въ неизмѣнности своихъ чувствъ онъ выражалъ—и раскаяніе въ непослушаніи отцу, и тоску по своему безчестию, и угрызения преступной совѣсти, и всю муку своей души, заблудшейся въ собственныхъ чувствахъ!

Радивой приближается къ мѣсту бывшей перестрѣлки. Онъ видитъ издали всю эту сцену. Безумные крики и клятвы Михайла удивляютъ его. Но другое явленіе заставило его вздрогнуть.

Его дочь Роксанда мчится на конѣ къ Михайлу. Она остановилась въ двадцати шагахъ. Она наводитъ на него свое ружье...

Радивой спѣшитъ. Крикомъ своимъ онъ хочетъ остановить ударъ.

Но она не слышитъ. Она опустила ружье и потомъ снова навела его, но уже не на Михайла. Въ припадкѣ своей ужасной ревности и азіатской мести, она разочла, что для него будетъ еще благодѣніемъ, если она убьетъ его; нѣтъ, она хотѣла заставить его видѣть смерть той, кому клянется онъ въ любви своей. Выстрѣлъ сверкнулъ,—Катерина падаетъ бездыханна!

Дико захохотала амазонка, бросила на землю ружье и помчалась по степи, почти

лежа на гривѣ своего коня.

Радивою все это не могло иначе показаться, какъ припадкомъ безумія. Поворотя за ней коня, онъ махнулъ рукой своему поѣзду, давая знакъ слѣдовать за собою, и скрылся въ степи со своей бѣшенною дочкою и кровавымъ трофеємъ.

Но какими словами я опишу ту сцену, когда отецъ, вырвавши изъ когтей звѣря единственную свою дочь, вдругъ увидалъ ее мертвою? Какими словами опишу чувства Михайла, послѣ того, когда надъ головой его раздался выстрѣлъ? Онъ оглянулся: это была *Роксанда*! Оборотился въ другую сторону: передъ нимъ *Катерина*, пронзенная на вылетъ пулею, лежитъ въ крови! Онъ испустилъ невыразимо-страшный крикъ и палъ безчувственъ у ея тѣла!

Писать ли далѣе?

Кому угодно, можетъ оставить книгу на этой страницѣ; но вѣрный своему долгу, я передамъ до конца преданье старяны о

несчастливомъ юношѣ, такъ жестоко наказанномъ судьбою за его своевольство.

Михайло очнулся только для того, чтобъ снова почувствовать всю муку своей растерзанной души. Лежа ницъ на землѣ, точно какъ послѣ выезда изъ *Воронѣжа*, онъ слышитъ: кто-то, проѣзжая мимо, поетъ походную козацкую пѣсню:

Ой шумѣть-гудѣ вѣтеръ по дубровѣ,
Блудитъ-блудитъ козаченько по дорбѣ.
Підъ нимъ зброя-коніченсько вудитъ.
— Ой чогбъ изъ ты, да мой коню, вудитъ
И въ бѣтомъ дорбженски блудитъ?
Чи я тобъ, да мой коню, вѣкомъ,
А чи моя козачья зброя,
А чи добмоченька моя?...

Михайло поднялся на ноги: передъ нимъ козакъ *Середа*.

— Это ты, Михайло! воскликнулъ онъ:—
Боже мой! какъ это ты остался живъ?
Смотри пожалуй, какая чудная встрѣча! Я
въ походъ вѣхалъ, ты лежалъ; я и съ по-
ходу ворочаюсь, ты опять лежишь. Ска-

ли жъ пожалуйста, что ты тутъ дѣлаешь? какъ живешь?

Но Михайло, вмѣсто отвѣта, грозно нахмурилъ брови. Ему эти слова показались горькимъ упрекомъ. Онъ схватился было за саблю, но въ ту жъ минуту оставилъ свое намѣреніе и, быстро отворотясь отъ козака Сероды, убѣжалъ въ степь.

—Духъ святыи съ нами! сказалъ тотъ перекрестясь:—это, видно, его погибшая безъ покаянія душа скитается по этимъ пустынямъ!

И поѣхалъ далѣе.

И съ того времени никто уже не видалъ Михайла, никто не знаетъ, какой конецъ постигнулъ бѣднаго мечтателя. Только народъ, рассказывая эту исторію, какъ разительный примѣръ Божіей кары на непослушнаго сына, передѣлалъ ее въ балладу и дополнилъ своимъ воображеніемъ. А какъ этотъ вымыселъ показываетъ образъ возрѣнія народнаго на святость отцовской вла-

сти, то я считаю. тоже нелишнимъ передать и его моимъ читателямъ.

Спустя лѣтъ десять послѣ гибели Михайла, сотникъ Чарнышъ со своимъ Семейномъ ключникомъ оставилъ навсегда Воронѣжъ, съ намѣреніемъ поселиться гдѣ-нибудь въ безлюдной пустынѣ, гдѣ бы ничто не напоминало ему о его потерѣ; и говорятъ, что, при постройкѣ для него домика, вырыли изъ земли мертвое тѣло, нимало неповрежденное тлѣніемъ; что то было тѣло несчастнаго Михайла, котораго, въ силу отцовскаго проклятія, не пришла земля; что сотникъ Чарнышъ, увидя своего сына, тронулся жалостью и, пораженный ужасомъ, сталъ на колѣни и просилъ у Бога себя и ему прошенія; что будто-бы послѣ этой молитвы тѣло Михайлово обратилось въ прахъ, а сотникъ Чарнышъ черезъ нѣсколько дней умеръ.

У романистовъ обыкновенно водится, по окончаніи развязки, извѣщать почтеннѣйшую публику оффициально объ участи каждаго дѣйствующаго лица. Но какъ это

исторія не выдуманная, а я больше извѣстїи никакихъ не имѣю, то и оставляю дальнѣйшую судьбу Семена ключника, Роксанды и Радивоя въ невѣдѣнности, хотя два послѣднія лица какъ-будто нарочно созданы для романа и могли бы доставить богатую канву для досужаго воображенія пнаго автора. Прочіе дѣйствители тоже исчезли во мракъ забвенія, какъ только погасла несчастная звѣзда Михайла и Катерины, озарявшая всю сцену дѣйствія. Да признаться, мнѣ бы уже и не интересно было, послѣ главной катастрофы, развѣдывать у старожиловъ о происшествіяхъ остальной жизни; напримѣръ, полковаго судьи вна пана Бардака. Гораздо охотнѣе узналъ бы я, у кого находится теперь знаменитая *Дорошенкова чарка*; но къ сожалѣнію и объ ней я не имѣю никакихъ извѣстїи. При бѣдственномъ распространеніи ложной образованности, старина въ глазахъ потомковъ ничтожна предъ магазиномъ модъ и галантерейной лавкою. Можеть-быть, этотъ неоцѣненный застольный ковшъ героя Малороссїи перелетъ теперь въ какую-нибудь глупую сахарницу или безтолковый

кофейникъ. Можеть быть, я самъ, не вѣдая того, владѣю какою-нибудь вещью, сдѣланною изъ серебра, составлявшаго *Дорошенкову чарку*. Какъ бы то ни было, но если бы, сверхъ чаянїя, у кого-нибудь изъ моихъ читателей я нашлась описанная мною знаменитая *Дорошенкова чарка*, надѣюсь, что онъ будетъ такъ добръ, что пришлетъ автору этой книги вѣрный съ нея рисунокъ. При этомъ считаю нужнымъ описать ея примѣты, въ дополненіе къ сказаннымъ уже мною въ главѣ XVI. По словамъ столѣтняго старика, который самъ не разъ изъ нея пивалъ, на длинной ея рукояткѣ было написано съ одной стороны: *Гетманъ Войска Запорозского Петро Дорошенко*; а съ другой: *Вѣрному моему асаулу Федору Бардаку зъ власной руки, року 1675*. Но всего интереснѣе была надпись на крылѣхъ коряка: *Кто выпьетъ разомъ до дна чашу сію, тотъ годится стать подъ бумчукъ Дорошенка*.

Кіевъ.
1842.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

П Р И Л О Ж Е Н І Я .

ПРИМЪЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

63. Всякой Запорожець могъ оставить товариство, сдѣлаться земледѣльцемъ, купцомъ и пр., не оставяя вѣдомства войсковаго или даже удалиться изъ его предѣловъ. Въ первомъ случаѣ онъ дѣлался семейнымъ козакомъ и могъ сидѣть зимовишкомъ на запорожскихъ земляхъ, гдѣ хотѣлъ, внося небольшой оброкъ натурою, участвуя только въ повинностяхъ, такъ сказать гражданскихъ, напр. содержаніемъ перевозовъ, починкою мостовъ, гатей, крѣпостей и пр. Это составляло села, подчиненныя паланкамъ (уѣздамъ). Если жъ козакъ оставялъ совершенно войско, то уже отъ его зависимости освобождался.

64. См. въ *И. И. С. или П. К. З.* чрезвычайно интересную «Опись Войска Запорожскаго Самарскимъ землямъ», стр. 398—400.

65. Въ лѣтописи архіепископа Конискаго упоминается два раза о пожалованіи золотыхъ и серебряныхъ ковшей старшинамъ ко-

зикаго войска. Первое пожалованіе было сдѣлано королемъ польскимъ Владиславомъ Ягеллономъ въ 1439 году, послѣ победы надъ Турками при Дунаѣ, къ одержанію которой русское войско много ему содѣйствовало. Оно было тогда подъ командою воеводъ—киевскаго Святославовича и сѣверскаго Ольговскаго и полковниковъ—Блудича, Дульны, Претыча, Станая, Буляя и Артазія, «конимъ, между другими дарами королевскими, жалованы «отъ него гербы и золотые корки на пошарогахъ, то есть на шнурахъ шелковыхъ, повѣшенныхъ чрезъ плече и уподобительныхъ «нынешнимъ эскельбантамъ или кавалеріямъ». Другое пожалованіе сдѣлано было Царемъ московскимъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1655 году, по взятіи Смоленска, послѣ чего «благодаря Царь (козакамъ) лично «за ихъ къ нему усердіе и достокальное «воинское мужество, обдарилъ ихъ разными «вещами и суммами по мѣрѣ заслугъ и отличностей каждого. Между тѣмъ знатнѣйшимъ чиновникамъ жалованы золотые и «серебряные корки на лентахъ, кои носили «черезъ плече по примѣру нынешнихъ кавалерій. Другимъ поднесены дорогіе сабли, «пистолеты и разныя убранства».

Такимъ образомъ Царь Алексѣй Михайло-

вичъ зналъ, какъ приласкать къ себѣ воинственныхъ и разгульныхъ рыцарей—козаковъ и понималъ, можетъ-быть, сколь важно (чрезъ подарокъ ковшей) связать пріятное воспоминаніе о своемъ имени съ веселыми и частыми ихъ пирами.

66. Можетъ-быть, такое рѣзкое очертаніе бана покажется нашимъ читателямъ утрированнымъ; но я старался въ этомъ случаѣ подражать манеру сербскихъ бардовъ, которые вообще при изображеніи своихъ героевъ любятъ размахнуться кистью Сальватора Розы. Я укажу на слѣдующія мѣста въ *Народныхъ Сербскихъ Пѣсняхъ*, изданныхъ Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ: кн. II, стр. 191—192; кн. IV, стр. 135, 231, 339.

67. Нѣкоторые думаютъ, что преданное анаемъ имя гетмана *Мазелы* обратилось въ бранное слово; но это напрасно: нарицательное имя *мазела* (отъ слова *мазати*) употреблялось гораздо прежде, какъ бранчивое слово, соответствующее великорусскому слову *харя* или *роза*. Печатное доказательство тому находится въ изданіи 1644 г. въ Кіевѣ на польскомъ языкѣ книгъ *Литось*. Тамъ, на страницѣ 124, отступивши отъ взры своихъ

предковъ Кассіанъ Саковичъ названъ «объ-
еретичальнѣ масепою».

(*Кіевлянинъ на 1841 годъ, изданный М. Ма-
ксимовичемъ, стр. 26.*)

68. У Запорожцовъ это значило—отпра-
виться за границу, ибо Тилигулъ находится
уже за Бугомъ въ Очаковской области и
слѣдственно въ то время принадлежалъ Тур-
камъ.

69. Подробное описаніе Муравскаго Шляху
см. въ книгѣ подъ заглавіемъ—*Книга Боль-
шему Чиртежу, или Древняя карта Россій-
скаго Государства, поповленная въ разрядъ
и списанная въ книгу, 1627 года. С. Петер-
бургъ, 1838.*

70. Фигурами назывались поставленныя
одна на другую конусообразно смоленныя
бочки, которыя зажигались для сигнала о
приближеніи непріятеля. Подробный объ
этомъ рассказъ Запорожца Коржа см. въ *И.
Н. С. или П. К. З.*, стр. 62—66.

71. Заимствовано изъ рассказовъ Запорож-
ца Коржа *.

* Въ то время, какъ я держалъ корректуру этого листа,
получено въ Кіевѣ извѣстіе, что разказъ Запорожца

72. Напримѣръ, въ пѣснѣ о *Гавранѣ арам-
башѣ и Лимо*. См. *Нар. Сербск. Пѣсни*, изд.
В. С. Кар., кн. III, стр. 181—182. Подоби-
ная картина тамъ же, въ кн. IV, на стр. 270.

73. Напримѣръ, въ пѣснѣ о *Вуковичѣ Ан-
дѣлѣ и Синаѣ разбойникѣ*. См. *Н. С. П.*,
кн. IV, стр. 340—341.

74. См. тамъ же, кн. IV, стр. 230—231.
Подобная жъ картина въ кн. III, на стр.
130 и 262.

75. См. тамъ же пѣсню о *женидбѣ Ивѣ
Сеньявина*, кн. IV, стр. 191—213.

76. Впрочемъ не одни Сербы понимали
отмщеніе за убійство, какъ дѣло, необходи-
мое для спокойствія души убитаго. Эта мысль
выразилась также въ древнемъ богемскомъ и
моравскомъ законодательствѣхъ и даже въ Поль-
шѣ, въ *правѣ Мазовецкомъ*. (См. *О платѣ за
убійство въ древнемъ русскомъ и въ другіхъ*

Коржа издавъ отдѣльно въ Одессѣ подъ заглавіемъ:
*Устное повѣствованіе былаго Запорожца Никиты
Леонтиевича Коржа. И такъ совету любителямъ на-
дороссійской старинамъ обратиться къ этой драгоценной
напискѣ.*

славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою виурою. Разсужденіе, написанное адъюнктомъ Н. Иваншиевымъ для полученія степени доктора Россійскаго законодвнія. Кіевъ, 1840. стр. 34—36, 55, 61 и 67.)

77. *О характеръ народныхъ пѣсень у Славянъ Задунайскихъ, Юрія Венелина.* Москва, 1835, стр. 41.

78. По окончательномъ покореніи Турками Сербіи, въ 1522 году, она раздѣлена ими на санджаки, или пашалыки, а пашалыки на нахія. Въ каждомъ пашалыкѣ былъ одинъ паша (иногда и болѣе), находившійся подъ начальствомъ визиря, имѣвшаго пребываніе сначала въ Смедеревѣ, а потомъ въ Бѣлградѣ. Не смотря однакожъ на это, у Сербовъ Сербія удержала все тѣ раздѣленія и названія, которыя существовали прежде. Въ каждомъ княжествѣ ея былъ князь изъ Сербовъ, которому народъ повиновался безусловно, раздѣляя съ нимъ все бѣдствія и радости. Рабство передъ пашею, онъ служилъ ему орудіемъ суда и расправы надъ своими соотечественниками *. Но по мѣрѣ того какъ

* *Дѣица за годину 1827, стр. 97—98.*

умножались въ Сербіи Турки и, будучи народомъ господствующимъ, занимали преимущественно города, сербскіе князья удалялись въ селенія, слѣдствіемъ чего было раздѣленіе и княжескихъ фамилій и самихъ княжествъ на меньшія княженія, такъ что нынѣ въ каждой нахія находится по нѣскольکو княженій, которыхъ названія явно говорятъ о ихъ древности и самостоятельности.

(*Дѣица за годину 1827, В. С. Караджича, стр. 55—57.*)

79. «Сѣчовые козаки (говорятъ Запорожецъ «Коржъ») кромѣ военной службы, занимались «страстно звѣрною охотою, ибо въ Великомъ Лугу, по причинѣ непроходимыхъ густыхъ лѣсовъ и частыхъ камышей около озеръ и лимановъ, производимыхъ Днѣпромъ, водилось множество дикихъ звѣрей, какъ-то: оленей, козъ, дикихъ свиней и лисицъ, а на степи множество волковъ, зайцевъ и пр. Кожи этихъ животныхъ были важнымъ предметомъ торговли, и за покупкою ихъ прѣзжали промышленники изъ Малороссіи и Польши на сѣчовыя ярмонки».

(*Ж. М. Н. II. 1838.*)

80. *Нар. Сербск. Пѣсн.*, кн. IV, стр. 128—131.

81. Тамъ же, кн. II, стр. 243—249.

82. Сербскія пѣсни отличаются не только богатствомъ содержанія, но и своимъ объемомъ. Многія изъ нихъ имѣютъ отъ 600 до 800 и болѣе стиховъ, а одна, *женидба Максима Черноевича*, состоитъ изъ 1227 стиховъ.

83. При вступленіи въ Запорожское войско соблюдались нѣкоторые обряды, подобные тѣмъ, какіе бывали наблюдаемы у рыцарей при принятіи новаго рыцаря въ орденъ. Главнѣйшимъ испытаніемъ для Запорожца, кромѣ умѣнья владѣть конемъ и оружіемъ, было также и переплытіе лодкою черезъ пороги, въ половодіе.

84. См. въ *Нар. Сръск. Пјесм.* Вука С. Караджича, кн. II, стр. 187, пѣсню: *Марко Краљевиц познаје очину сабљу.*

85. Тамъ же, стр. 207: *Марко Краљевиц и Арапи.* Упоминается объ этомъ и въ другихъ пѣсняхъ.

86. Тамъ же, стр. 21: *Женидба Душанова.*

87. Тамъ же, кн. IV, стр. 339.

88. Тамъ же, стр. 177.

89. Слова Радивоя, напечатанныя курсивомъ, помѣщены цѣликомъ изъ преданія. О подобныхъ самоуправствахъ и жестокостяхъ въ слободско-украинскихъ поселеніяхъ любопытный можетъ прочесть въ книгѣ: *Путевыя Записки Вадима (Пасеска)*, Москва, 1834.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е

О СОСТАВЛЕНІИ КНИГИ ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ИСТОРІЯ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ФАМИЛІЙ.

Занимаясь нѣсколько уже лѣтъ собираніемъ всего, что относится къ Малороссіи, съ цѣлью написать со временемъ самую истинную и подробную ея Исторію, и углубляясь съ полнымъ вниманіемъ въ этотъ предметъ, я убѣдился, что, кромѣ такъ сказать классической Исторіи Малороссіи, можетъ еще быть особенная Исторія, не такъ строго подчиненная условіямъ науки и предшествующая классической Исторіи, какъ необходимый сборъ матеріаловъ, заключающій въ себѣ основанныя на семейныхъ документахъ повѣствованія о каждой Малороссійской фамилии въ частности.

Такая книга, кромѣ того, что прольетъ новый свѣтъ на многіе наши историческіе факты, должна быть, кажется,

интересна для всѣхъ Малороссіянъ и сама по себѣ. А потому предлагаю тѣмъ изъ моихъ соотечественниковъ, для которыхъ еще дорога и священна память предковъ, сообщить мнѣ вѣрныя копія со всѣхъ своихъ фамильных документовъ, грамматъ, привилегій, гербовъ и проч., съ присовокупленіемъ къ нимъ полененій, дополненій и фамильныхъ преданій, сохранившихся на бумагахъ или въ памяти. Если кому угодно будетъ доставить мнѣ какія-нибудь бумаги въ подлинникъ, то всѣ онѣ, по снятіи мною съ нихъ копій, будутъ возвращены владельцу во всей цѣлости и сохранности.

По собраннымъ уже мною матеріаламъ для этого изданія, я вижу, что давать ему скатую форму было бы не только бесполезно, но даже и несправедливо съ моей стороны, ибо потомокъ всякой фамиліи захочетъ узнать о своихъ дѣдахъ все, что было мнѣ извѣстно, и какое жъ я имѣю пра. о сокращать или уничтожать преданія, которыя не только для него, но и для посторонняго читателя бываютъ чрезъ-

вычайно интересны и проливаютъ чудесный свѣтъ и на характеръ современной имъ эпохи, и на характеръ цѣлой Исторіи? А потому я рѣшился о всякой фамиліи повѣствовать въ разнѣбрахъ, соответствующихъ доставленнымъ мнѣ матеріаламъ. Важнѣйшіе же документы будутъ припечатаны цѣликомъ въ примѣчаніяхъ, чтобъ предохранить ихъ отъ истребленія или потери.

Думаю, что это предпріятіе, будучи приведено мною въ исполненіе, доставитъ удовольствіе не только современникамъ, для которыхъ я, при помощи моихъ историческихъ свидѣній, представляю судьбу ихъ фамилій съ самыхъ древнихъ временъ въ стройномъ повѣствованіи, но также и потомству, которое безъ этого труда не будетъ знать многого о своихъ предкахъ; ибо никто изъ насъ не можетъ поручиться, что дѣти наши и внуки такъ же тщательно, какъ мы, сберегутъ для своихъ преемниковъ древнія наши хроники и документы: иногда даже независяція отъ нихъ обстоятельства

могут истребить навсегда то, что съ каждымъ поколѣніемъ становится драгоценнѣе; тогда какъ моя книга, будучи размножена печатаньемъ и разошедшися по библіотекамъ, останется навсегда самымъ надежнымъ хранилищемъ предковскихъ нашихъ дѣлнй, хранилищемъ, котораго не разрушатъ вѣтки ни пожары, ни невѣжество; и самый отдаленный потомокъ, не роясь въ архивахъ и не копаясь въ землѣ, обратится къ этому хранилищу въ тишинѣ своего кабинета, и минувшая судьба его фамиліи откроется ему какъ бы какою вѣщицею глаголомъ.

Прошу почтенныхъ моихъ земляковъ оцѣнить всю важность моего предпріятія, сообразить всю пользу, могущую отъ того произойти, и содѣйствовать мнѣ съ полнымъ довѣріемъ и усердіемъ. Чѣмъ подробнѣе будутъ ихъ фамильныя преданія о своихъ предкахъ, объ ихъ характерахъ, образѣ жизни и т. п., чѣмъ обильнѣе будетъ число присланныхъ мнѣ документовъ, тѣмъ лучше. Никакое количество матеріаловъ не обременитъ меня: пламенная любовь

къ моему родинѣ будетъ одушевлять меня при моихъ занятіяхъ и дастъ мнѣ силы преодолѣть всякой трудъ, возможный для человѣка.

П. КУДЪШЪ.

1845 года.

Кіевъ.

Адресъ Издателя: Его Благородію Пантелеймону Александровичу Кудъшу, въ Кіевъ.

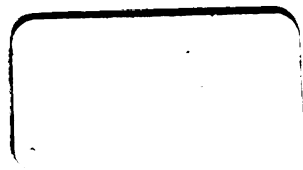
Продается въ Кіевѣ, въ книжныхъ магази-
нахъ *Литова* и *Глюксберга*.

Цена за три части четыре рубля серебромъ.

Гг. Иногородные могутъ адресоваться на
имя самаго издателя, по слѣдующему адресу:
Его Благородію Паштелеймону Александровичу
Кульшу, въ Кіевѣ.

За пересылку прилагается одинъ рубль
ассигн.

Acme
Bookbinding Co., Inc.
100 Cambridge St.
Charlestown, MA 02129

Widener Library

2044 083 318 220